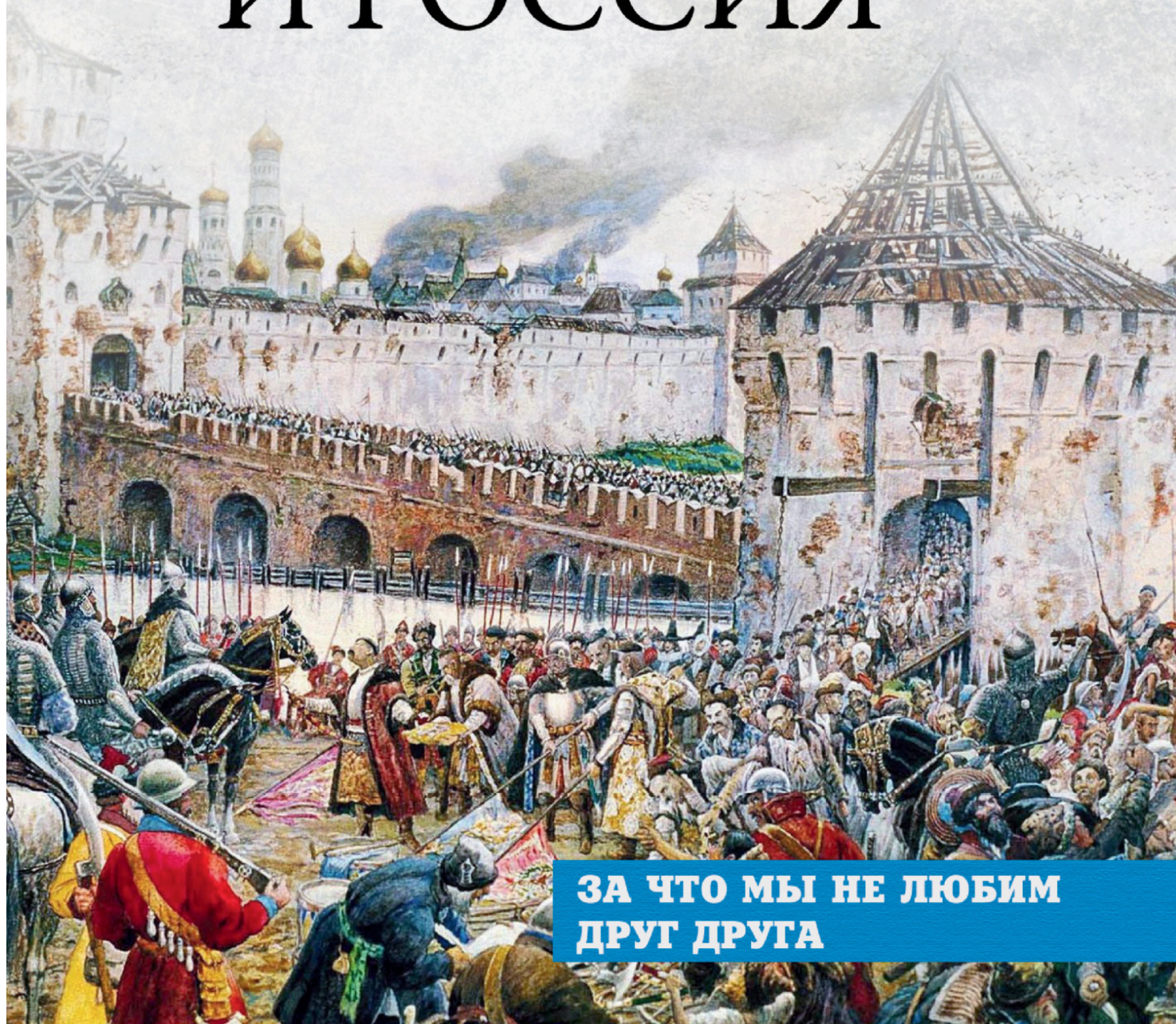

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Широкоград

ПОЛЬША И РОССИЯ

**ЗА ЧТО МЫ НЕ ЛЮБИМ
ДРУГ ДРУГА**

Русская история (Вече)

Александр Широкоград

**Польша и Россия. За что
мы не любим друг друга**

«ВЕЧЕ»

2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45

Ширококорд А. Б.

Польша и Россия. За что мы не любим друг друга /
А. Б. Ширококорд — «ВЕЧЕ», 2020 — (Русская история (Вече))

ISBN 978-5-4484-1839-6

Жили-были братья-славяне – русы и ляхи. Вместе охотились, играли свадьбы, верили в одних и тех же богов Перуна и Ладо. Бывало, дрались, но чаще князя Рюриковичи звали Пястов на помощь в своих усобицах, а, соответственно, в войнах князей Пястов дружины Рюриковичей были решающим аргументом. Увы, с поляками мы никогда не были союзниками, а только врагами. Что же произошло? Как и почему рассорились братья-славяне? Почему у каждого из народов появилась своя история, ничего не имеющая общего с историей соседа? В чем причина неприятия культуры, менталитета и обычаев друг друга? Об этом рассказано в монографии Александра Широкограда «Польша и Россия. За что мы не любим друг друга». Книга издана в авторской редакции. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-4484-1839-6

© Ширококорд А. Б., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Глава 1. Свадьбы, пиры и драки ляхов и русов	6
Глава 2. Католическая агрессия	19
Глава 3. Победила не Литва, а ее название	23
Глава 4. Подвиг Ядвиги	31
Глава 5. Иван III начинает «реконкисту»	37
Глава 6. Люблинская уния	44
Глава 7. Паны в законе	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Широкоград

Польша и Россия. За что мы не любим друг друга

© Широкоград А.Б., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1. Свадьбы, пиры и драки ляхов и русов

Тысячу лет назад, летом 1017 г., польский король Болеслав I Храбрый, собрав большое войско, двинулся на Русь против князя Ярослава Владимировича Мудрого.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

Два дня дружинники с обеих сторон въезжали на лошадях в воду и орали весьма обидные для супостатов речи.

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!» По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Буды (Буду).

Предвижу суровый вопрос критика – и почему автор начинает историю русско-польских отношений с этого сражения? Он что, хочет доказать, что русские и поляки были испокон врагами? Нет, я просто хочу спросить читателя, а где были переводчики?

Увы, в них не было никакой нужды. Тысячу лет назад русские и ляхи прекрасно понимали друг друга без словарей и толмачей.

И польский, и кашубский, и русский языки произошли от одного праславянского (общеславянского) языка и тысячу лет назад были его диалектами.

Религии поляков и русских практически не отличались друг от друга. Перун, он и в Польше был Перуном. То же можно сказать и о Ладо, Лели и других языческих божествах.

Даже языческие капища в Польше и на Руси имели одинаковые названия. Так, например, Лысая гора близ города Кельце в Польше и Лысая гора под Киевом.

Согласно польской хронике XVI века, на Лысой горе у Кельце был храм трех идолов, которых звали Лида, Бода и Леля. Археологи отрыли на Лысой горе у Кельце каменный вал длиной 1130 м и шириной 140 м – остатки культовых сооружений IX-X веков.

Великопольская хроника (начала XIV века) говорит о том, что у матери славянских народов Паннонии от царя Пана было три сына – Лех, Рус и Чех, ставших владыками соответствующих народов. Это всего лишь пересказ древней легенды.

Любопытно, что известный польский историк Ян Длугош (1415–1480) уже не хочет считать Леха и Руса родными братьями; у него Рус – потомок Леха. Согласно Длугошу, поляк Рус возглавил русское государство. Киев же был основан польским языческим князем Кием, также потомком Леха.

Для нас же важно не различие в версиях легенды, а степень ее распространения у западных славян в современных Польше и Чехии. Там братство западных, восточных и южных славян воспринималось в X–XIV веках как аксиома, лишь в XV веке Ян Длугош стал доказывать, что поляки «были равней прочих славянских племен».

Действительно, в раннем Средневековье все племена славян имели родственные языки и одинаковый общественный строй (управлялись князьями, власть которых в известной степени была ограничена народным собранием – вече́м). Не менее близки были и верования славянских племен, даже одинаковы названия богов и богинь.

Так почему же часть славян, как, например, русские и болгары, в XIX–XX веках продолжали считать себя братьями, а термин «братья славяне» по отношению к русским и полякам выглядит дико? В чем же дело? Некоторые историки считают, что, мол, правители государств несправедливо относились к соседним государствам и народам и даже вели агрессивные войны, и это, мол, привело к межнациональной вражде. Марксисты все объясняют деятельностью буржуазии, сеющей рознь между народами в своекорыстных интересах.

Увы, обе позиции не выдерживают элементарной критики. Так, болгарское правительство и в Первую, и во Вторую мировые войны ввергло страну в войну с Россией. До 1917 г. в Болгарии и в России была буржуазия, а потом почти 30 лет в этих странах был различный общественно-политический строй (монархия и социализм). Ну и что? Оба народа так и остались братскими. Простые люди в России и в Болгарии по-прежнему испытывают симпатию друг к другу. У русских нет¹ анекдотов о болгарях, но их всегда было с избытком о поляках.

Чтобы разобраться, почему ранее близкие славянские народы стали чуждыми друг другу в культуре, религии, а также в совокупности факторов, которая сейчас стала именоваться менталитетом, надо вернуться как минимум на полторы тысячи лет назад.

В VII–VIII веках многочисленные западнославянские племена занимали обширную территорию по бассейнам рек Вислы, Одры (Одера) и Лабы (Эльбы). В бассейне верхней Лабы, рек Влатвы и Моравы жили чешско-моравские племена, в бассейне Вислы и Варты, до Орды и Ниссы на западе – польские племена. Земли в бассейне средней и нижней Лабы до Балтийского моря занимали полабские славяне, образовавшие несколько племенных союзов. Между Салой и Лабой и далее к востоку жили племена серболужицкого союза, а по средней Лабе и далее на северо-восток – племена союза лютичей. Нижнюю Лабу заселяли ободриты. Лютичи и ободриты занимали земли до самого Балтийского моря. К востоку от них, на балтийском побережье, жили поморяне, принадлежавшие к польской группе западнославянских племен. Ободритов, лютичей и поморян часто называют балтийскими славянами.

В IX веке возникает сильное государственное объединение славян – Великоморавская держава, ставшая одним из самых мощных государств Европы. В состав Великоморавской державы входили Чехия, Моравия, Словакия, Лужицы и земли ободритов. Все 76 лет своего существования (830–906 гг.) Великоморавская держава непрерывно подвергалась нападениям немецких феодалов.

В 863 г. из Византии в Великоморавское государство прибыла церковная миссия, возглавляемая братьями Кириллом (Константином) и Мефодием. Они начали перевод церковных книг на славянский язык, проповедовали христианство, проводили богослужения на славянском языке. В Паннонии и Моравии Кирилл и Мефодий содействовали подготовке славянского духовенства. Создание своей, независимой от немцев, церкви укрепило политическую независимость Великоморавской державы и стало грозным оружием в борьбе с немецкой агрессией. Зависимость же от константинопольского патриарха была чисто формальной.

Князь Ростислав и великоморавская знать поддерживали деятельность Кирилла и Мефодия. Но в 870 г. ставленник немецких феодалов Святополк – племянник Ростислава – сверг своего дядю и занял княжеский престол. Ростислава же вывезли в Германию. Там он был ослеплен и навечно заточен в монастырь. Несколько позже немцы схватили и Святополка, и также отправили его в Германию.

---

¹ По крайней мере, автор никогда не слышал.

Одновременно западное духовенство² начало преследовать славянских церковнослужителей. Мефодия схватили, бросили в темницу и подвергли жестоким пыткам³.

Результатом насилий немецких феодалов и западного духовенства стало восстание, вспыхнувшее в конце 871 г. под руководством священника Славомира. Тогда рыцари вспомнили о князе Святополке, томившемся в застенках одного из немецких замков. Его освободили и поставили во главе немецкого войска, снаряженного для подавления восстания в Великоморавской державе. Но немцы просчитались – Святополк перешел на сторону восставших, помог славянам разбить немецкое войско и вновь занял княжеский престол. Правил он до своей смерти в 894 г.

Святополк сразу же освободил из тюрьмы Мефодия, который вместе с многочисленными учениками продолжил свою духовную деятельность в Великоморавском государстве. Однако князь Святополк оказывал недостаточную поддержку восточному духовенству в его борьбе с папистами. После смерти Мефодия в 885 г. его ученики были изгнаны из Моравии и нашли убежище в Болгарии.

После смерти Святополка его сыновья начали борьбу за власть. В результате чешские земли попадают под власть германского князя Арнульфа. В 906 г. венгры завоевывают словацкие земли, составлявшие значительную часть Великоморавской державы. Словаки попали под власть венгерских феодалов и на целое тысячелетие оказались оторванными от чешского народа.

Падение Великоморавского государства кардинально изменило ход развития западных славян. Как писал известный историк С.М. Соловьев: «Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира. Славяне южные были отделены от северных, уничтожено было центральное владение, которое начало соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь. Теперь Моравия пала, и связь славян с Югом, с Грецией, рушилась: венгры стали между ними, славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурей, отторгнута от Византии, которая одна могла дать питание и укрепление младенчеству церкви. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западу и в церковном, и в политическом отношении. Но мало того, что мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византией, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев, которые оставались для них теперь единственными посредниками. Этим объясняется естественная связь западных славян с Немецкою империею, невозможность выпутаться из этой связи для государственной и народной независимости»⁴.

Замечу, что это не русский, а общепринятый взгляд. Соловьеву во многом вторит польский историк-националист Владислав Грабеньский: «В славянстве шла борьба двух культурных влияний: цареградского (византийского, греческого, восточного) и римского (латинского, западного). Произошедшее в 1054 г. при патриархе Михаиле Келуарии разделение церкви на Западную и Восточную разбило и славян на две части, отличающиеся по религиозным догматам, обрядовому языку и отношениям между духовной и светской властями. Польша и Чехия, отделенные от Царьграда венграми, подчинились влиянию Рима; Болгария, Сербия, равно как

---

² Официальное разделение церквей на православную и католическую произошло в 1054 г., однако фактический раскол был уже в IX в. Для удобства читателя здесь и далее я буду именовать западным духовенством клир, подчиняющийся римскому папе, и, соответственно, восточным духовенством – пастырей, подчиняющихся константинопольскому патриарху.

³ Кирилл к этому времени уже умер (в 869 г.).

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 191.

и Русь, обращенная в христианство в 988 г. при Великом князе Киевском Владимире, удержали славянский обряд и сохранили культурную связь с Востоком. Между этими двумя частями славян выработались серьезные отличия как политические, так и культурные»⁵.

На территории современной Польши в IX–X веках известно свыше дюжины народов или, как сейчас говорят польские историки, «племенных групп»⁶. Так, поляки жили в области, позднее получившей название Великой Польши, главными центрами которой являлись Гнезно и Познань. Висляне проживали в позднейшей Малой Польше, и их центрами были Краков и Вислица. Также на территории современной Польши проживали мазовшане (главный центр в Полоцке), куявяне или гопляне (главные центры Крушвица и Ленчица), лендзяне (их центром, видимо, был Сандомир). В Силезии проживали слензяне (главный центр Вроцлав), а также дядошане, бобжане (бобряне), тшебовяне (требовяне), ополяне. В Поморье обитала группа поморских племен. Одним из самых крупных народов поморян были кашубы.

Все эти народы (племенные группы) имели достаточно серьезные отличия в языке, обычаях и хозяйственной деятельности. Различия между кашубами и вислянами были не меньше, чем, например, с жителями бассейна Днепра. Так что деление на западных и восточных славян, проведенное историками XVIII–XIX веков, являлось для IX–X веков чисто условным, зато удобным при изучении последующей истории Польши и Руси.

Согласно легенде, правители Польши пошли от некоего Пяста из Крушвицы, зарабатывавшего на жизнь изготовлением деревянных колес. Прежнего предводителя племен Попеля якобы съели... мыши. И все выбрали вождем Земовита, сына колесника Пяста.

После Земовита правил его сын Лешко, внук Земомысл и правнук Мешко («медведь»). Мешко, правивший с 960 по 992 г., контролировал довольно большую территорию.

Предшественники Мешко собирали дань с подчиненных им племен от случая к случаю. Новый князь ввел постоянную систему податей. Их выплачивало все сельское население, в основном продуктами земледелия и животноводства.

Важным источником дохода стали «регалии», то есть монополия великого князя (короля) на наиболее доходные промыслы. К ним относились: чеканка монеты (этим занимались особые чиновники – «минцежи»), добыча благородных металлов, устройство и обложение сборами рынков и постоялых дворов, таможенные пошлины, бобровая охота. К этим княжеским доходам добавлялась прибыль от внешней торговли. В обмен на рабов, меха и янтарь приобретались предметы роскоши, необходимые для княжеского двора, его сановников и церковных учреждений.

Объем продажи рабов в арабские страны был столь значителен, что в Польше наблюдался большой наплыв арабской серебряной монеты. Поэтому пленники составляли важную часть военной добычи. Однако к концу XI века объем работорговли стал снижаться. В основном это связано с резким уменьшением потока серебряной монеты из арабских стран.

Помимо обычных податей (зерно, крупный рогатый скот, свиньи) и повинностей по строительству и ремонту городов, появилась новая система повинностей, призванная удовлетворять отдельные потребности князя. Возникли поселки бортников, поставлявших мед и воск, поселки охотников и рыбаков. Большинство этих поселений создавались самим князем. Память о них сохранилась до нашего времени в ряде топонимов. Это поселки с названиями Щитники, Гротники, Лагевники, Шафляры, Беднары, Ковале, Шевце, Пекары, Кухары, Корабники, Кобыльники, Овчары, Бобровники, Злоники, Виняры.

К X веку феодальная знать Польши (понятно, речь идет не о современных ее границах, а о частях, контролируемых династией Пястов) состояла из нескольких слоев. Так, вожди племен и их ближайшие родственники составляли высший слой – «можновладцев». Можно-

---

⁵ Грабеньский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 24.

⁶ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004.

владцы владели⁷ Влоцлавом, Краковом, Сандомиром, Плоцком, Крушвицами, Ленчицами и Гданьском. Внутри провинций существовали местные феодалы – городские паны, которые располагали более ста замками. Естественно, что эти замки не имели ничего общего с западноевропейскими замками X-XII веков, а их укреплениями были земляные валы с деревянным тыном. Каждый городской пан имел дружину и небольшой административный аппарат – войских, коморников, влодарей и пивничих.

Великокняжеская власть в Польше была наследственной, однако писанные или неписанные правила наследования отсутствовали. Естественно, это часто приводило к усобицам между братьями-княжичами.

Около 966 г. Мешко женится на чешской княжне Доброве (Дубровке). Невеста была христианкой, и Мешко пришлось креститься по латинскому обряду. Вместе с Добровой в Польшу приехало и несколько священников-папистов во главе с епископом Иорданом. Именно с них и началось крещение Польши.

Одновременно с принятием христианства Мешко принес ленную присягу германскому императору Оттону I. Неоднократно Мешко отправлял свои дружины на помощь императорским войскам. Он же в 968 г. основал Познаньское епископство, зависимое от архиепископства Магдебургского, которое было устроено императором Оттоном I для покоренных полабских славян.

В 990 г. римский папа Иоанн XV дал Мешко I королевский титул.

Любопытно, что Мешко после смерти императора Оттона I нарушил ленную зависимость его сыну, новому императору Оттону II, а затем внуку, Оттону III.

Первое столкновение Руси⁸ и Польши, о котором сохранились письменные свидетельства, произошло в 981 г. Согласно русской летописи, князь Владимир Красное Солнышко (год рожд. неизв. – ум. 1015 г.) ходил с войском на ляхов и занял Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стиря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стирь в Хорватской земле. С.М. Соловьев довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты⁹, так что 981 г. мы должны считать годом первой русско-польской войны.

Русские летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря.

Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне мог служить спор за червенские города.

В 992 г. польский король умер во время похода на полабских славян. Умирая, Мешко поделил свое государство между сыновьями. Но старший сын Болеслав Храбрый изгнал из страны всех своих братьев и стал править единолично. «Принеся германскому императору ленную присягу, он поддерживал его в войнах со славянами и обеспечил мир с западной стороны»¹⁰.

Однако ни император, ни папа не считали Болеслава I королем, а только князем Польши, и королевский титул он получил лишь за несколько месяцев до своей смерти – 18 апреля 1025 г. польские епископы объявили князя Болеслава королем.

---

⁷ Извините за тавтологию, но ее ввели поляки, а не я.

⁸ В данной монографии здесь и далее автор будет называть население стран так, как оно называлось в документах того времени.

⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 193–194.

¹⁰ Грабеньский В. История польского народа. С. 29.

Болеслав I был опытным политиком и храбрым воином. На севере он расширил свои владения до Балтийского моря, подчинив себе поморян и пруссов. Болеслав I, воспользовавшись смертью в 999 г. чешского князя Болеслава II, напал на Краков и присоединил его с окрестностями к Польше. В это же время он захватил Моравию и земли словаков до Дуная.

Примерно¹¹ в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира Святополка (ок. 980 – ок. 1019 гг.). Но этот первый родственный союз польских и русских князей привел не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 гг. Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров, Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»¹². Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»¹³. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара, Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником, или, наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам слишком «мудрый» Ярослав, то ли его беспокойные детишки, основательно отредактировали русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца¹⁴. Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси творился бардак или беспредел – кому как нравится. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Единственным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

¹¹ Из-за скудности и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

¹² Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 257.

¹³ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 175.

¹⁴ Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянником, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

И тут, согласно русским летописям и «Сказанию о Борисе и Глебе», начинаются абсолютно необъяснимые события. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав – князь тму-тараканский, Святослав – князь древлянский и Судислав – князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя – Борис Ростовский и Глеб Муромский – заявляют, что готовы чтить Святополка «как отца своего».

А Святополк начинает свое правление с убийства... двух самых верных и, кстати, своих единственных вассалов, Бориса и Глеба. При этом и сами Борис и Глеб ведут себя более чем нелепо. Оба знают, что Святополк послал к ним убийц, и попросту ждут их, распевая псалмы, то есть они фактически становятся самоубийцами. Чем, к примеру, отличается покорное ожидание убийц от стояния на железнодорожных путях в виду приближающегося поезда? А ведь христианская церковь осуждает самоубийц.

Тайна была раскрыта норманнским скальдом в «Саге об Эймунде». Эймунд был командиром наемной варяжской дружины, служившей у Ярослава Владимировича, вошедшего в историю под именем Ярослава Мудрого (ок. 987–1054 гг.). Согласно саге, Борис (Бурислейф) верно служил своему сюзерену киевскому князю Святополку и водил рати печенегов на Ярослава. Летом 1017 г. печенеги под командованием князя Бориса врываются в Киев, но они увлеклись грабежом, и варяги Эймунда выбили их из города. Следующим летом Борис опять идет с печенегами к Киеву. Тогда Эймунд обратился к Ярославу (Ярислейфу): «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит». Эймунд выполнил приказ своего князя и убил Бориса. Об убийстве Глеба достоверных данных нет. Предполагается, что он был сторонником Ярослава, и убили его свои же муромские подданные.

Но вот в 1054 г. умирает Ярослав Мудрый, и на Руси вновь начинаются большие усабицы. Естественно, что о событиях 1015–1018 гг. все давно забыли. Этим и воспользовался князь Изяслав Ярославович, чтобы в 1072 г. канонизировать Бориса и Глеба как невинно убиенных злодеем Святополком Окаянным.

История убийства варягами Бориса и весь варяжский вектор гражданской войны на Руси 1015–1025 гг. приведены в моей книге «Наша великая мифология. Четыре гражданские войны с XI по XX век» (М.: АСТ; Хранитель, 2008). Здесь же я остановлюсь на польском векторе этой войны.

Осенью 1016 г. князь Ярослав Владимирович (в саге – Ярислейф) с помощью варягов разбил у города Любеч войско печенегов под предводительством Бориса Владимировича (Бурислейфа) и вскоре овладел Киевом. Борис бежал к печенегам, а князь Святополк – в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму. При этом его жена стала добычей Ярослава.

Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, razорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзебург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак Болеслава с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (нынешнему Бресту). Город Берестье к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Ну а дальше произошло сражение на реке Буг, с чего мы начали свою повесть.

Поражение Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название “щербец”, так как он, Болеслав, придя на Русь по

внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, «мудрый» Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Ярополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники саксонцы, венгры и печенеги отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска остался в Киеве, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев» с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом; кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В Повести временных лет говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем мудрый Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому конунгу Олафу Шетконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с мудрым Ярославом. Ингигерд привела с собой в качестве приданого дружину, а Ярослав передал шведам город Ладогу с окрестными землями. Шведы называли Ладогу Альдейгъюборг, первым правителем ее стал шведский ярл Регнвальд Ульвссон. Вернуть Ладогу русским князьям удалось лишь во второй половине XI века.

В том же 1019 г. Ярослав двинулся с большой ратью на Киев. Согласно Устюжской летописи, у него было 40 тыс. человек, из них варягов 18 тыс.

Святополк призвал на помощь печенегов, но в битве на реке Альте недалеко от Киева был разбит. Святополк в очередной раз бежал на запад, где и умер.

Где-то около 1040 г. был заключен брак польского короля Казимира I Восстановителя и Марии Добронегы, дочери Владимира Святого.

Польский историк Эва Мадейчик в статье «Пясты и Рюриковичи – династично-поименные связи до XIII века» писала:

«Супружество Казимира положило начало периоду дружеских отношений между двумя государствами. Все началось с освобождения пленных [...] уведенных Болеславом Храбрым. Этот брак поспособствовал родству двух династий и частым супружествам между их членами. “Дальнейшие брачные союзы князей польских и русских укрепляли и распространяли родство”. “Достаточно упомянуть, что Болеслав Смелый (сын русинки) женился тоже на русской княжне, так же сделал его сын Мешко. На русской княжне Збыславе (дочери Святополка II, Великого Князя Киевского) женился Болеслав Кривоустый, а потом в брак с его сестрой вступил Ярослав киевский (брат Збыславы). Родственником русских князей был самый старший сын Кривоустого – Владислав II, по матери, а косвенно тоже по своему сыну – Болеславу Высокому, который женился на Звениславе – дочери Всеволода Ольговича, Великого Князя Киевского по линии черниговской”.

Другие супружества между Пястами и Рюриковичами:

1136/1140 г. – Мешко III Старый и Эудоксия (дочь Всеволода, князя белского)

1137 г. – Болеслав Кудрявый и Верхослава (дочь Всеволода, князя новгородского) после 1184 г. – Одон и Вышеслава (дочь Владимира, князя галицкого)

1185 г. – Казимир Справедливый и Елена (может быть, дочь Ростислава, князя смоленского)

1207 г. – Лешек Белый и Грымислава (дочь Ингвара, князя луцкого)

1207 г. – Конрад I Мазовецкий и Агафия (дочь Светослава, князя черниговского)

1265 г. – Лешек Черный и Грыфина»¹⁵.

Тут Эва чуть ошиблась. Это была Аграфена, дочь князя Ростислава, внука Михаила Всеволодовича Черниговского.

«До XIII века в общем сочеталось браком 12 пар польско-русских (на общее число 36 пястовских супружеств), в том числе 3 (с 7-ми) в XI веке, 6 (с 14-ти) в XII веке и 3 (с 15-ти) в XIII веке.

Русские князья вступали в брак с польскими княжнами на много ранее, чем польские князья с русскими княжнами.

“Александр Брукнер не без основания предполагал, что одной из жен Владимира Великого (прежде чем стал христианином) была, вероятно, полька. От нее происходили, удостоверенные в Повести временных лет, сыновья этого князя – Станислав и Погвизд. Польское звучание имени первого из них не вызывает никаких сомнений. Ученый доказывает, что у имени Погвизд также польское происхождение, так как можно его встретить в польской мифологии, в которой выступают божки Погвизд и Похвисьтель”. Одновременно трудно сделать вывод, была ли это дочь Пяста, так как польские и русские источники с этого периода ненадежные и неполные.

Источники подтверждают зато русско-польский брак Светополка (сына Владимира) с неизвестной по имени дочерью Болеслава Храброго. Он состоялся между 1008 и 1013 гг.

Брак Гертруды (сестры Казимира Восстановителя) и Изяслава (сына Ярослава Мудрого) состоялся в 1143 г. и тоже повлиял на состояние похода польского короля на Русь. Болеслав Смелый отправился на Русь после того, как его тетя Гертруда и ее супруг были выгнаны из страны.

Следующими женами Рюриковичей, происходящими из династии Пястов, были:

неизвестная по имени дочь Владыслава Германа, выдана замуж за Ярослава Светополковича (князя владимирско-волынського);

неизвестная по имени дочь Болеслава Кривоустого, выдана замуж за Всеволода Давидовича (князя Муромского);

Рыкса (дочь Болеслава Кривоустого), выдана замуж за Владимира Новгородского;

---

¹⁵ Материалы сайта: <http://www.vgd.ru/STORY/table02.htm>

Агнешка (дочь Болеслава Кривоустого), выдана замуж за Мстислава Изяславовича (князя Владимирско-волинского);

дочь Болеслава Кудрявого, выдана замуж за Васылька Ярополковича (князя Бреско-дрогицкого).

Статистически, до XIII века состоялось 7 русско-польских браков (с 71), в том числе 2 (с 12 браков мужчин с династии Рюриковичей) в XI веке и 5 (с 42) в XII веке. В XIII веке не состоялся ни один русско-польский брак (на 17 супружеств).

Супружества польско-русские и русско-польские способствовали присвоению имен русских в династии Пястов и наоборот. «Зачастую русские имена давали своим детям матери русинки. Например, Добронега (жена Казимира Восстановителя) свою дочь назвала Святославой. Мужской вариант этого имени носил дед, брат и племянник Добронеги. Болеслав Кривоустый и его жена Саломея с Бергу [...] дали в свою очередь своей дочери имя Добронега. Видно, что в области топонимии обращались к далекой традиции («первая» Добронега была прабабкой Добронеги Болеславовны). Кроме того, по мнению Длугоша, Збыслава – первая жена Кривоустого, дала своей дочери имя Светослава (но эта информация не вполне надежная)». Дочерей Агафии и Конрада I по мазовецкой линии звали: Людмила и Эудоксия, дочку Грыфины и Лешка по мазовецкой линии – Эуфемия, дочь Вышеславы и Одона по великопольской линии – Эуфрозина, а дочери Эудоксии и Мешка III Старого – Анастасия, Звенислава и Верхослава Людмила. Как доказывает пример Святославы – дочери немки Саломеи, не только дочери русинок получали русские имена. Позже тоже произошла похожая ситуация»¹⁶.

Свадьбы, пиры, охоты составляли жизнь Пястов и Рюриковичей. А войны? Естественно, были, но практически все русско-польские войны XI–XIII веков сводились к тому, что Пяст, поссорившись с князем из Пястов, звал на помощь зятя, свата или племянника Рюриковича или наоборот.

Изгнанный с киевского престола Изяслав Ярославич, женатый на сестре Казимира I Гертруде, дважды искал помощи в Польше у своего двоюродного брата Болеслава Смелого (в 1059-м и 1070 гг.). В 1078 г. Болеслав оказывал поддержку и сыну Изяслава Ярополку, воевавшему с дядей Всеволодом. Брат Ярополка Святополк Изяславич просил помощи у Владислава-Германа. У него же не раз спасался с «множеством золота» волинский князь Давыд Игоревич и «гостил у него с женой и челядью» (1094 г.), за что его упрекали русские князья, что он «скидается беглецом и изгнанником в чужих землях на позор себе».

Но соседские связи и родственные узы были достаточно крепкими. И вот уже сын Святополка Изяславича Ярослав бежит к бывшему мужу своей сестры Сбыславы и живет в Польше четыре года (1118 г.). Волинского князя Мстислава Изяславича «благословенно принимают» младшие сыновья Болеслава II Кривоустого и выходят с ним в поход против сидящего в Киеве Юрия Долгорукого (1159 г.). Владимиру, сыну Ярослава Осмомысла, восстановиться на галицком престоле помогает Казимир II Справедливый (1188 г.), который позже улаживает и споры Мстиславичей.

Достаточно часто русские войска по призыву поляков идут им на подмогу. Так, Владислав Изгнанник, сын Сбыславы Святополковны, борется со сводными братьями за сеньориальную власть, «стянув изо всех княжеств и владений русских войска и вспомогательные отряды». Там были черниговские князья Святослав Всеволодович и Изяслав Давыдович, галицкий князь и др. (1145 г.). Взаимную помощь оказывали друг другу сыновья Казимира II и Роман Мстиславич, сын Агнешки Казимировны, то есть русские и польские внуки Болеслава Кривоустого (1191, 1195 и 1196 гг.). Нередко польская или русская сторона выступала в качестве посредника при заключении мирных союзов (1123 г.).

---

¹⁶ Материалы сайта: <http://www.vgd.ru/STORY/table02.htm>

В ходе очередной польской усобицы в 1227 г. князь Владислав Одонич нанес страшное поражение князю Владиславу Ласкононому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласкононому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединенное войско неожиданно напало на князей – сторонников Ласкононого, в этом бою был убит Лешко Казимирович – номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей – старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осажденные же, видя приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров. Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, надев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осажденные передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», – прибавил он, смеясь и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привел их к Конраду и тот заключил с ними мир.

В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключен договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским – польской.

Князья Даниил и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников – пруссов и литовцев.

В 1225 г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей. В 1228 г. в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошел лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 г. По его словам, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них в силе тяжелой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

Возможно, кто-то из читателей посетовал на автора, зачем он уделил столько места «делам давно минувших дней». На самом же деле «преданья старины глубокой» очень важны.

Они показывают, с одной стороны, общность восточных и западных славянских племен. Хотя их языки и имели значительные отличия, но русские и поляки понимали в X-XII веках друг друга без переводчика. Культура и быт обоих народов были также близки. Кстати, я сказал «народов», но под поляками X-XII веков надо понимать совокупность различных племен с разными языками. И племена эти были объединены в подавляющем большинстве насильственно Мешко I, Болеславом Храбрым и их потомками.

С другой стороны, появилась и основа будущих конфликтов. Это – ленная зависимость Польши от германских императоров, а также сильное религиозное и культурное воздействие Германии, Рима и других западных стран.

Наконец, история русско-польских отношений X-XII веков уже важна тем, что поляки – от обывателей до кинорежиссеров – уверены, что на землях современной Украины и Беларуси до прихода поляков якобы ничего не было, а туземцы владели жалкое существование наподобие американских индейцев XV века.

Глава 2. Католическая агрессия

В XXI веке модно говорить о сближении и примирении церквей. Но пусть кто-нибудь приведет пример более кровавой и агрессивной религии, чем католицизм. А, может, я, как русский человек, недостаточно объективен в конфликтах католиков и русских? Так давайте начнем с других жертв католической агрессии. Вспомним те же Крестовые походы. В IX–XI веках и норманнские конунги, и князья русов, отправляясь в походы, обходились без пропагандистских шоу. Вся дружина прекрасно понимала цель экспедиции – грабежи, захват новых земель, заключение выгодных торговых договоров.

Но римские папы не таковы. 27 ноября 1095 г. папа Урбан II обратился к Клермонскому собору с вдохновенным призывом к Крестовому походу: «То, что Святая земля, и прежде всего сам Иерусалим, была по-прежнему занята неверными, представляло собой оскорбление для всего христианского мира; паломники-христиане в настоящее время подвергаются всевозможным унижениям и обидам. Долг каждого доброго христианина – поднять оружие против тех, кто осквернил землю, по которой некогда ступал Христос, и вернуть ее под власть поборников истинной веры.

...Становитесь на стезю Святого Гроба, исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите ее себе. Земля эта, как гласит Писание, течет медом и млеком. Иерусалим – это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими землями, он словно второй рай. Он жаждет освобождения и не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку»¹⁷.

Папа утверждал, что «персидское племя турок» захватило священные для христиан реликвии, что они превращают храмы в хлева для скота, «топчут ногами предназначенные для богослужения сосуды», наносят побои и оскорбления духовенству.

Увы, это была чудовищная ложь, которой мог позавидовать сам доктор Геббельс. Говоря о захвате Палестины – «персидского племени турок», папа сознательно врал. Ни арабы, захватившие Иерусалим у византийцев, ни турки-сельджуки, выбившие оттуда арабов, никогда не посягали на христианские святыни и не препятствовали отправлению христианской веры. Так, к примеру, православное греческое духовенство сохранило полностью свою структуру. Там остались два патриарха – Иерусалимский и Антиохийский, и все епископы. Никакого католического духовенства в Палестине никогда не было. Напомню, что хотя официальное разделение церквей произошло лишь в 1054 г., православная и католическая церковь задолго до этого имели независимые структуры.

Так что «жаждать освобождения» и молить войска католиков о приходе в Палестине было попросту некому.

Ко времени Первого крестового похода большинство населения Сирии и Палестины исповедовало православие. Пришествие крестоносцев стало для них невиданным бедствием, несравнимым с войнами между византийцами и мусульманами.

Забавно, что крестоносцы не делали особой разницы между мусульманами и коренным православным населением, которое они пришли освобождать.

В государствах крестоносцев существовала феодальная иерархия, подобная западноевропейской. Вся территория делилась на рыцарские феодалы, обязанные военной службой сюзерену. Для пополнения убыли в рядах рыцарей и защиты своих завоеваний пришлось многих пришедших с крестоносцами крестьян возвести в рыцарское звание и выделить им феодалы.

Ну а крепостными западных феодалов стали мусульмане и местные христиане. Замечу, что почти все христиане в Сирии и Палестине были православными и лишь небольшое число –

---

¹⁷ Норвич Дж. Срединное море. История Средиземноморья. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 158.

монофизиты¹⁸. Причем с монофизитами католики быстро нашли общий язык, мол, только признавай папу римского.

«Франки» жили только в городах и замках. Зато мусульманам и православным запрещалось проживать в Иерусалиме и ряде других городов.

Православные патриархи – антиохийский Иоанн Оксита и иерусалимский Досифей – были вынуждены бежать из захваченных крестоносцами Антиохии и Иерусалима. Зато крестоносцы назначили новых патриархов: папского прелата Бернарда Валенсина – антиохским и Роберта Руанского – иерусалимским. Но в декабре 1099 г. в Иерусалим прибыл папский прелат Даимберт Пизанский и сам себя объявил иерусалимским патриархом. Всего иерусалимскими патриархами с 1099 по 1291 г. называли себя 20 католиков, из которых несколько человек даже не приезжали в Иерусалим.

Параллельно в Константинополе существовали в «эмиграции» Антиохийский и Иерусалимский патриаршие престолы.

В первые же годы правления франков в Сирии и Палестине почти все церкви и монастыри были захвачены католиками, а православное духовенство изгонялось, у него отнимались дома и имущество, многие были убиты.

Так «освобождение» обернулось для православных страшной бедой, чего никогда не было в годы правления мусульман. С 1100 по 1300 г. число христиан в Сирии и Палестине, где до прихода крестоносцев они составляли около половины, уменьшилось в несколько раз.

Иерусалимский патриарх Досифей II (1669–1707) сказал о крестовых походах: «Эти войны можно назвать священными с таким же правом, как проказу – священной болезнью».

Между прочим, проходя по странам Европы, крестоносцы вели себя хуже всяких разбойников. Некоторые монархи, как, например, венгерский король, брали у крестоносцев знатных заложников, и это хоть немного уменьшало разбой.

В городе Мессине британские рыцари издевались над святынями, громили монастыри, насиловали женщин. Греки, которые тогда составляли большинство населения Мессины, 3 октября 1190 г. дали отпор захватчикам. Тогда король Ричард сжег город и перебил почти все его население.

Поначалу французский король Филипп II держал нейтралитет, но после разгрома Мессины потребовал себе половину города и половину добычи. Англичане отказали, но Филипп сдержался, и союзники зазимовали в Италии, внимательно наблюдая друг за другом.

30 марта 1191 г. французская армия во главе с королем отплыла в Палестину. 10 апреля за ними последовали англичане.

Верный себе Ричард не мог пройти мимо Кипра. Поводом для нападения стал захват местными жителями нескольких судов, разбившихся у берегов острова. 6 мая в гавань города Лимассола вошел английский флот. В нескольких сражениях Львиное Сердце разбил византийские войска и ограбил остров. Король был в хорошем настроении и согласился оставить киприотам половину их имущества.

Вскоре Ричард продал остров рыцарскому ордену Гроба Господня. Ну а рыцари перепродали Кипр Люизиньяну, королю Иерусалимскому. Его брат Аманри принял титул короля Кипрского.

Вождем Четвертого крестового похода был избран Бонифаций, маркиз Монферратский. Кроме него приняли крест: Балдуин, граф Фландрский; Иоанн Бриеннский и другие представители знатных родов Фландрии и Шампани. Крестоносцы, желавшие достигнуть Палестины морским путем, наняли у венецианцев несколько десятков транспортных судов и галер. Однако

---

¹⁸ Монофизитство (евтихианство) – христологическая доктрина в христианстве, возникшая в V веке и постулирующая наличие только одной Божественной природы (естества) в Иисусе Христе и отвергающая Его совершенное человечество. То есть, вопреки православному учению, монофизитство исповедует, что Христос – Бог, но не человек.

сумма, переданная крестоносцами венецианцам, оказалась меньше запрашиваемой на 34 тыс. марок. Тогда венецианский дож Дандоло предложил вождям похода ограбить по пути богатый торговый город Зару (современный Задар), который был конкурентом Венецианской республики. За это дож обещал отсрочить выплату долга.

Как мы уже знаем, грабеж европейских городов, мимо которых проходили или проплывали крестоносцы, давно стал нормой. И вот 8 октября 1202 г. войско крестоносцев село в Венеции на корабли и уже 10 ноября подошло к Заре. На следующий день их суда прорвали цепь у входа в гавань и заняли последнюю. Высадив на сушу лошадей, войска и осадные машины, крестоносцы расположились лагерем на северной стороне. 15 ноября начали действовать с суши и с моря метательные машины, а 22 ноября осаждающие подкопали одну из главных городских башен. Зара была взята и разграблена.

В Заре рыцари вошли во вкус. Зачем ехать в Палестину, где жара, нет воды, а главное, кровожадные арабы принципиально не хотят расставаться со своим имуществом и становиться крепостными европейских феодалов? Куда проще грабить христианские государства.

И вот 12 апреля 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь. Три дня новоявленные варвары грабили Второй Рим. Безымянный русский свидетель погрома в «Повести о взятии Цареграда крестоносцами» обличает бесчинства крестоносцев, которых именует фрягами: «А на утро, с восходом солнца, ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре киотных; и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатях и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города»¹⁹.

Полному разграблению и разрушению подвергся и русский торговый квартал «у святой Маммы».

Следствием разорения Константинополя стало практически полное прекращение русского торгового мореплавания по Черному (а арабы его называли Русским) морю.

Крестоносцы решили на захваченных землях Византии создать Латинскую империю. Первым ее императором стал Болдуин, герцог Фландрский и Геннегауский.

Причем венецианцы забрали себе три квартала Константинополя, Рагузу (нынешний Дубровник), Дураццо (Дуррес), западное побережье материковой Греции и Ионические острова, весь Пелопоннес, острова Наксос и Андрос, два города на Эвбее, главные порты Геллеспонта, Мраморного моря, Галлиполи, Редеста и Гераклеи, побережье Фракии и город Адрианополь. Затем Бонифаций Монферратский продал венецианцам доставшийся ему от византийцев остров Крит.

---

¹⁹ Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. С. 287.

Крестоносцы грабили греков и навязывали им католичество. Повсеместно вспыхивали восстания против захватчиков. Так, в начале 1205 г. восстало население города Дидимотихе и перебило гарнизон крестоносцев. Затем наступила очередь Адрианополя. Против крестоносцев двинулся болгарский царь Калоян. 14 июня 1205 г. Калоян вдребезги разбил армию латинян, а сам «император» Балдуин был взят в плен и в следующем году умер в тюрьме.

В ходе Пятого крестового похода 1217–1221 гг. и Седьмого крестового похода (1248–1250 гг.) крестоносцы, забыв о гробе Господнем, грабили Египет. Ну а в Восьмом крестовом походе доблестные освободители гроба Господнего совсем заплутались и напали на... Тунис.

На примерах Палестины, Египта и Константинополя мы видим, что нам готовили католики-крестоносцы. К величайшей досаде Рима, русский народ дал достойный отпор крестоносцам. Их били наши князья Рюриковичи, вольные города Псков и Новгород и лихие ватаги молодцов-ушкуйников. Отдавая должное военному искусству и дипломатии Александра Невского, историкам не стоит заикливаться на нем одном.

Пора бы вспомнить, что 5 апреля 1242 г. навстречу клину рыцарской конницы пошел клин суздальской кованной рати во главе с князем Андреем Ярославичем. А было суздальскому князю 14 годиков. По нынешним законам его одного и дома оставлять нельзя. А тут промашка вышла, и беспризорный «ребенок» учинил грандиозную драку на льду Чудского озера.

Ну а главное, «ледовое побоище» не было решающим сражением, остановившим крестовые походы на Русь. Немецкие рыцари-крестоносцы биты: князем Ярославом Всеволодовичем в апреле 1234 г. на реке Омовже; князем Довмонтом 18 февраля 1268 г. у Рановера (Эстляндия); князем Довмонтом в июне 1272 г. на окраине Пскова; князем Давидом в марте 1323 г. на окраине Пскова; псковичами без князя в мае 1343 г. у Нейгаузена (ныне Вастселиина).

Я перечислил лишь наиболее крупные сражения с немецкими крестоносцами, а всех сражений были многие десятки. Обратим внимание, что русские дрались с немцами на границе, а в большинстве случаев – в Эстляндии. Тут же можно привести и длинный список сражений со шведскими крестоносцами.

Замечу, что те же татары грабили, жгли, убивали на войне, но потом становились союзниками русских. Католики же всегда были ненавистниками православия и русского народа. Те же шведы и немцы, перешедшие в лютеранство, воевали против русских и вместе с русскими, но это были межгосударственные конфликты и союзы, а не дикая ненависть к схизматикам.

На беду русского народа, Риму удалось натравить поляков на русских. Ненависть католиков к православным и неумная жадность панов привели Польшу к трагедии.

Глава 3. Победила не Литва, а ее название

В советских школьных учебниках истории говорилось: «...пользуясь ослаблением русских княжеств в ходе монголо-татарского нашествия и последующего ига, польско-литовские феодалы захватили ряд западных и южных русских княжеств». Спору нет, это была очень удобная для историка схема, но, увы, принципиально неверная. Во-первых, до Люблинской унии 1569 г. никаких польских феодалов в Великой Литве не было. Ну а во-вторых, большая часть русских городов добровольно подчинилась великим литовским князьям.

Наконец, татарский фактор не играл важной роли в появлении Литовской Руси. Татары в XIV–XV веках опустошали земли Великого княжества Литовского (ВКЛ) чаще, чем русские княжества. Ну а тезис польских и «оранжевых» украинских историков о том, что русские княжества приняли подданство литовских князей, дабы не платить дань Золотой Орде, вовсе несостоятелен. Литовские князья почти постоянно платили дань татарам. (По крайней мере, за русские княжества в составе ВКЛ.) Да и все Великое княжество Литовское до 1569 г. в той или иной форме платило дань разным ордам – от Золотой Орды до Крымского ханства.

В 40-х гг. XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Началась длительная война между Даниилом Галицким и Миндовгом. Всего Миндовг за время своего правления совершил тридцать походов на русские княжества. Ему удалось захватить ряд городов Червоной Руси.

Миндовг прекрасно понимал, что Литве не под силу вести войну на два фронта – с русскими и Орденом. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, недолго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было лъстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, – у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», – и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзеру. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга его сын Давид-Воишелк²⁰ узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Даниловичу – мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умер король Даниил Галицкий, а его преемникам так и не удалось подчинить себе Литву.

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедимин. Происхождение его неизвестно. Однако он был талантливым полководцем и дипломатом. В 1320 г. Гедимину удалось захватить город Владимир Волынский, принадлежавший Галицкому королевству. Замечу, что в войске Гедимины этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедимин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедимин, собрав литовские, жемайтйские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедимины было встречено дружинами короля Льва Юрьевича, его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени галицкое войско потерпело страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

---

²⁰ Воишелк – языческое имя. Приняв христианство, Воишелк оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

После сражения Гедимин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедимину.

Гедимин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедимину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкаassy, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули».

В 1319 г. литовский князь Гедимин захватывает древний русский город Берестье.

На следующий год литовцы занимают Витебск. Замечу, что в 1281–1297 гг. Витебское княжество было в вассальной зависимости от смоленских князей. Последний витебский князь Ярослав Всеволодович, внук великого князя владимирского Андрея Ярославича, умер в 1320 г., не оставив мужского потомства, поэтому княжество перешло к князю Ольгерду, женому на Марии, дочери Ярослава Всеволодовича.

В 1323 г. к Литве была присоединена Черная Русь (Поднеманье) и Поляшье (Подлесье).

В середине XIV – начале XV века к Литве отходят несколько небольших княжеств, образовавшихся в середине XIII века после распада Черниговского княжества: Брянское, Новгород-Северское, Рыльское, Путивльское, Новосильское и т. д.

Почему же маленькая дикая Литва сумела захватить русские земли, в несколько раз превосходившие территорию, где жили этнические литовцы?

Дело в том, что формальные правители, русские великие князья владимирские, еще в середине XIII века буквально плюнули на западные и южные русские земли. В 1249 г. Александр Невский в Орде получил ярлык на Киевское княжество, а его младший брат Андрей – ярлык на Владимирское княжество. Но Александр в Киев не поехал, а отправился в Переяславль Залесский, где плел интриги против брата. Дети, внуки и правнуки Александра Невского непрерывно воевали между собой за владимирский престол. Предел их мечтаний – выбить побольше денег из Господина Великого Новгорода, отправить побольше дани и подарков золотоордынскому хану и выпросить у него ярлык на владимирский стол. Между тем все великие князья владимирские, в том числе и Иван Калита, считали себя и князьями киевскими, но это была лишь пустая формальность, делами своей «отчины» они никогда не интересовались.

Литовские князья были смелыми и опытными полководцами, а их дружины хорошо закалены непрерывными войнами с тевтонскими рыцарями. Естественно, жители русских городов были заинтересованы иметь такого князя в качестве защитника.

Вопреки мнению советских ученых, никакого закабаления русского народа «литовскими феодалами» попросту не было. В присоединенных к Литве русских княжествах происходила лишь замена князей Рюриковичей на литовских князей Гедиминовичей. Как писал советский историк Н.М. Иванов: «Явление это напоминает появление на Руси несколькими столетиями раньше Рюриковичей».

В ряде случаев литовцы оставляли на престолах и князьях Рюриковичей, ставших вассалами Великого княжества Литовского. У литовских князей около 80 % жен были княжны Рюриковны.

Не только литовские князья, но и их дружинники быстро научились говорить по-русски. Нет никаких данных о переселении этнических литовцев на захваченные русские земли. Мало

того, процент этнических литовцев в дружинах великих князей литовских и их вассалов, княживших в русских землях, в течение XIV века неуклонно падал, и в начале XV века литовцы там не составляли и пяти процентов.

Литовские бояре и дружинники, приехавшие вместе со своими князьями в русские города, женились на русских и обрусевали в первом или втором поколении.

Этнические литовцы не имели своей письменности. Переписку Миндовга и Гедимина с Ордой и Римом вели... немецкие монахи. Ну а когда князь Ольгерд вступил в переписку с константинопольским патриархом, его грамоты на греческом языке составляли русские. До 1387 г. у литовских князей не было даже собственной канцелярии.

Таким образом, с конца XIII века и до середины XVI века в этнической Литве не было письменности как таковой, а в русских землях, входивших в состав ВКЛ, государственным языком был... русский, а вся документация велась на кириллице, поскольку литовцы вообще не имели своей письменности.

Некоторые проблемы возникали с религией. Дело в том, что население этнической Литвы было убежденными язычниками. Литва крестилась в конце XIV – начале XV века, то есть литовцы стали последним в Европе народом, принявшим христианство.

Однако литовские князья не только не пытались принудить русских принять язычество, но даже не пропагандировали его. Мало того, литовские князья начали исповедовать двоеверие, а то и троеверие. Причем речь идет не о попытках сочетать христианские обряды с языческими, как это было, скажем, на Руси в XI–XII веках. Литовские князья в русских землях соблюдали все православные обряды, а, переезжая в Литву, немедленно становились язычниками. А при необходимости, например, заключая договор с крестоносцами или поляками, принимали католичество, что, впрочем, никак не отражалось на выполнении ими православных и языческих обрядов. Большинство князей Гедиминовичей были крещены по православному обряду.

Великий князь Гедимин (годы правления 1315–1340) имел две официальные жены. По одной версии, первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии, первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедимина была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача князей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Гедимин имел семерых сыновей²¹: Монвида (ум. 1340 г.), Нариманта (1277–1348), Ольгерда (1296–1377), Кейстута (1298–1381), Корьята (ум. 1390 г.), Любарта (1312–1397) и Евнута (Евнутия) (1317–1366).

Формально все сыновья Гедимина были крещены и имели православные имена; так, Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно²² «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

---

²¹ Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

²² С 1939 г. Вильнюс.

Костью в горле литовских князей было Смоленское княжество, почти полтора столетия сдерживавшее литовскую экспансию на восток. Погубил же независимость Смоленска... великий князь московский Василий I.

В истории часто бывало, что мелкие личные дела правителей оказывали решающее влияние на судьбы народов. Так, после нашествия Тохтамыша в 1382 г. князь Дмитрий Донской отправил в Орду заложником своего старшего сына Василия. Через некоторое время ордынцы стали требовать 8 тыс. рублей за освобождение молодого князя. Но в 1385 г. Василию удалось бежать. Чтобы обмануть татар, он бежал не на Русь, а на юг – в Приднестровские степи, а оттуда в 1386 г. пробрался в Великое княжество Литовское к князю Витовту.

При дворе Витовта Василий познакомился с его дочерью Софьей. Софья не была похожа на московских девиц, жизнь которых ограничивалась теремом и храмом. Софья любила плясать, скакала верхом, обожала охоту. «Языкового барьера» у нее с Василием не было, поскольку при дворе Витовта почти все говорили по-русски. Да и матерью Софьи была смоленская княжна Анна Святославна. Нетрудно догадаться, что княжич и княжна, которым было по 14 лет, влюбились друг в друга. Витовт, исходя из своих стратегических планов, не препятствовал этому увлечению, а наоборот, легко согласился на обручение. Василий радостно согласился, не ведая, какое горе принесет этот брак и Северо-Восточной Руси, и Смоленску.

В 1386 г. княжич Василий возвратился в Москву. В 15 лет женилось большинство московских князей, но Дмитрий Донской не спешил выполнять обещание, данное сыном Софье.

Смерть отца 19 мая 1389 г. развязала Василию руки. Теперь он – великий князь московский, и ему никто не указ. Между тем на конец 1389 г. политическая выгода от брака с Софьей Витовтовной была далеко не очевидна. В это время Витовт вновь поссорился со своими двоюродными братьями Ягайло и Скиригайло, и ему пришлось искать убежища в землях Тевтонского ордена.

Летом 1389 г. в немецкий замок Мальборн, где у крестоносцев находился Витовт с семьей, прибыли сваты из Москвы. Из-за войны невесту пришлось везти в Москву кружным путем через Данциг, Ливонию, Псков и Новгород. 1 декабря невеста прибыла в Москву, а уже 9 января 1390 г. состоялась свадьба Василия и Софьи.

В сентябре 1395 г. Витовт вступил в переговоры со смоленскими князьями и вероломно захватил их владения. Витовт въехал в Смоленск. Все арестованные князья были отправлены в Литву, а в Смоленске посажены литовские наместники князь Йомант и боярин Василий Борейкович. Смоленский гарнизон был усилен польскими рыцарями.

Однако, на беду Витовту, князь Юрий Святославич, сын Святослава Ивановича, еще раньше отъехал от киевских убоиц из Смоленска к своему тестю Олегу Ивановичу Рязанскому.

Узнав о захвате Смоленска Витовтом, Юрий Святославич Смоленский и Олег Иванович с рязанской ратью вторглись в литовские пределы. Витовт не стал вступать в сражение и отправился в свою очередь грабить Рязань. Олег Рязанский приказал своему войску спрятать в надежном месте добычу, взятую в Литве, и налегке начать поиски литовцев, вторгшихся на Рязанщину. Рязанцы нагнали литву и побили ее, а сам Витовт едва сумел уйти.

Московский же князь Василий I не только не помог смоленским князьям, а наоборот, в 1397 г. на Пасху поехал в Смоленск на встречу с Витовтом. Его сопровождали жена и митрополит Кирилл. В захваченном Смоленске родственнички отпраздновали Пасху.

Олег Рязанский в это время осадил литовский город Любутск, но Василий направил к Олегу посла, и тот, угрожая московской ратью, заставил рязанцев снять осаду.

Осенью 1396 г. Витовт с большим войском вновь напал на Рязанскую землю. Как писал Д.И. Иловайский: «...предал ее опустошению; причем “литовцы сажали людей улицами и секли их мечами”. По выражению летописца, Витовт “пролил Рязанскую кровь как воду”».

После этих подвигов прямо из Рязанской земли он заехал к своему Московскому зятю в Коломну, где пировал с ним несколько дней»²³.

И после этого наши титулованные историки смеют называть Олега Рязанского «изменником Руси», а персонажей типа Василия I – «собираателями Руси».

В августе 1401 г. жители Смоленска подняли восстание, перебили литовский гарнизон и местных бояр – сторонников Витовта. Через несколько дней смоляне торжественно встречали дружину Юрия Святославича.

В летних кампаниях 1402 и 1403 гг. Витовт пытался вновь захватить Смоленск, но каждый раз терпел поражение.

В 1402 г. умер рязанский князь Олег Иванович. Теперь Юрию Святославичу пришлось рассчитывать только на себя. Защитить Смоленск мог только московский великий князь Василий Дмитриевич, но тот был женат на Софье Витовтовне. Юрий видел, что из двух подданств надо выбрать наименее тяжкое, и, взяв опасную грамоту, поехал в Москву и стал умолять князя Василия: «Тебе все возможно, потому что он тебе тесть, и дружба между вами большая, помири и меня с ним, чтоб не обижал меня. Если же он ни слез моих, ни твоего дружеского совета не послушает, то помоги мне, бедному, не отдавай меня на съедение Витовту. Если же и этого не хочешь, то возьми город мой за себя, владей лучше ты им, а не поганая Литва».

Василий обещал помочь, но медлил. По сему поводу Супрасльская летопись говорит: «Князь же Василий обещал ему дати силу свою и удержу его на тые сроки, а норовя тьсти своему Витовту». То есть попросту Василий арестовал Юрия и дал знать об этом тестю.

Витовт не заставил себя ждать и в 1404 г. с большим войском заявился к Смоленску. Несколько изменников бояр открыли ему городские ворота и выдали жену Юрия – дочь Олега Рязанского. Витовт в Смоленске особой популярностью не пользовался, поэтому многих бояр он казнил, а других взял с собой в Литву вместе с княгиней и малолетними детьми князя Юрия. Там они и погибли в заточении. В Смоленске был посажен наместник Витовта. С удельным княжеством Смоленским на этот раз было покончено навсегда.

Витовт в 1403 г. взял и Вязьму – столицу одноименного удельного княжества, находящуюся примерно в 210 км от Москвы и в 150 км от Смоленска. При этом вяземские князья, за исключением Семена Михайловича Вяземского, стали подручниками Витовта. Как и в случае со Смоленском, Василий I промолчал.

О жизни города Смоленска с 1404 г. по 1440 г. под властью наместников великого князя литовского практически ничего не известно. В позднейших документах упоминаются привилегии, данные городу великим князем литовским Витовтом, а позже Сигизмундом и Казимиром. Однако в чем заключались эти привилегии – неизвестно. Видимо, жили смоляне не так уж и плохо.

О порядках в Литовской Руси литовский историк и, добавлю от себя, ярый националист Эдвардас Гудавичюс писал: «Большие русские земли сохранили свою территориальную структуру, в особенности на востоке и юге... На Волыни и в Смоленске были свои сановные должности, которые даже умножились (для Смоленска это – подскарбий, окольный, конюший, дворецкий, стремянный, тиун, виночерпий, сборщик дани, старший подьячий, смоленский городской староста; для Волыни – канцлер, земский и дворный маршалки, хорунжий, крайчий, ключарь, тиун). Витебская земля делилась на собственно Витебский и Оршанский поветы. Поскольку литовцы составляли меньшинство населения страны, Вильнюс [Вильно] придерживался старой мирной традиции: не менять структуры управления в русских землях, оставляя местному дворянству местные должности (или их большинство) или их prerogatives. Однако вместе с тем не были в забвении и общегосударственные, особенно военные, нужды. Смоленская, Витебская, Подольская, Киевская земли имели статус так называемых окраинных

---

²³ Иловайский Д.И. Собираатели Руси. М.: Чарли, 1996. С. 163.

земель. Их дворяне призывались в войско по отдельным спискам и слушались своих воевод. Большая часть наместников (старост) в замках этих земель подчинялась по воинскому ранжиру местным воеводам»²⁴.

Обратим внимание, литовские власти дали Смоленску статус «окраинных земель», на Руси их называли «украинами». Таким образом, и Смоленск, и Киев были для Вильно и Кракова украинами, равно как и для Москвы юг Рязанского княжества был рязанскими украинками. Но об «украинском народе» ни в Смоленске, ни в Киеве, ни в Кракове ни в XV, ни в XVIII веках даже и не слыхивали.

В 1410 г. в Грюнвальдской битве тремя смоленскими полками командовал мстиславский князь Юрий, сын Семена Ольгердовича Лугвения. Смоляне сумели остановить натиск крестоносцев, но сами понесли большие потери.

После смерти Василия I в 1425 г., согласно завещанию Дмитрия Донского и существовавшему на Руси «горизонтальному праву», великим князем московским должен был стать следующий брат – Юрий Дмитриевич. Но Софья Витовтовна и митрополит Фотий любой ценой решили удержать власть в своих руках, используя в качестве марионетки двенадцатилетнего ребенка – Василия Васильевича. И из-за этого на Руси началась почти тридцатилетняя гражданская война.

Софья и Фотий предпочитали видеть Василия II вассалом великого князя литовского Витовта, нежели вассалом его дяди Юрия Дмитриевича.

14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя – ему покорились Москва!

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий, а затем прибыли и Софья с Василием. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья – вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину государю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

Вслед за московским князем в начале августа 1427 г. договоры с Витовтом заключили князь Иван Федорович, внук Олега Рязанского, и пронский князь Иван Владимирович. Согласно этим договорам, оба князя «далися в службу» великому князю литовскому Витовту²⁵.

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, государю моему, великому князю Витовту, са язъ... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думаю

---

²⁴ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; Baltus, 2005. С. 399.

²⁵ Все царские и советские историки, за исключением В.В. Похлебкина, старательно умалчивают включение в состав Великого княжества Литовского с 1425 г. по 1494 г. Рязанского княжества.

и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княжение Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну, чем он хуже своего брата польского короля Ягайло?²⁶ И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения Богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник – Рождество Богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович, рязанский князь Иван Федорович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигизмундовых послов в Литву.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не мешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорей всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя не исключено и отравление. Без особого преувеличения можно сказать, что смерть Витовта спасла Москву и всю Северо-Восточную Русь от включения в состав Великого княжества Литовского.

---

²⁶ О нем мы подробнее узнаем в следующей главе.

Глава 4. Подвиг Ядвиги

Говоря о Литовской Руси, мы немного забежали вперед и теперь вернемся на 60 лет назад в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и на нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X века. Правда, в Моравии вассальные князья – потомки Пястов – правили до 1526 г., а в Силезии – до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII–XVIII веках же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Тут, чтобы соблюсти хронологическую последовательность, уточню, что до Люблинской унии 1569 г. поляки из русских земель сумели захватить лишь часть владений галицких королей.

В 1340 г. умер бездетный последний галицкий король Владимир Львович – праправнук короля Даниила. С этого времени Галицким княжеством стали править местные бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от римского папы провозглашения крестового похода на «схизматиков»²⁷. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х гг. XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. бояре составили заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация

---

²⁷ Схизматиками католики называли православных.

князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III, сыну Владислава Локетка, в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта²⁸, которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ей правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х гг. XIV века Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х гг. XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «руси́нами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Санокскую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х гг. XX века многие литовские и украинские историки стали утверждать, что-де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю»²⁹.

Уже тогда начались притеснения православного населения. Так, в 1370 г. во Львове была конфискована Крестовоздвиженская церковь и передана католическому архиепископу как кафедральный костел. Такой же участи подверглись русские православные церкви в издревле русском Галиче. Там были переданы католикам церкви Успения Пресвятой Богородицы, Св. Пантелеймона и Св. Анны. Православные епископы вынуждены были удалиться в подгородное село Крылос и в местной сельской церкви устроить свою кафедру.

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Оттуда и его прозвища – Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

---

²⁸ Князь Любарт (1312–1397) – сын Гедимины, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. – на Анне Андреевне, княжне волынской, с 1349 г. – на Агафье Константиновне, княжне ростовской.

²⁹ *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*. Roma, 1860. Т. I. № 776. S. 581.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей, за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству – панам и шляхте – как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениями феодальной анархии.

Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды – сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда – маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетним австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа – мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в Краков приезжает герцог Вильгельм. Он тайно проникает в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига уходит в спальню, на неудачливого мужа нападают свирепые придворные паны, и Вильгельму приходится спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскакивает на двор, но дубовые ворота заперты. Придворные не решаются дотронуться до своей королевы, но и не открывают ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница хватается тяжелый топор и рубит дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества.

Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа. В конце концов, уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужной воздействие на королеву.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *rusin* (русин), то есть так же, как ляхи в X–XIII веках называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу.

Увы, брак по расчету Ядвиги и Ягайло превратился в польскую народную и государственную сказочку. Самое забавное, что эта сказочка получила распространение и в России.

Увы, сказочка про Ядвигу так же лжива, как и официозная история Польши. Великий князь Ягайло был, как и большинство литовских князей того времени, двоеверцем. По приезде в этническую Литву он становился язычником Ягайло, ну а в остальных частях Великого княжества Литовского был православным князем Яковом. Свыше 90 % населения Великого княжества Литовского исповедовали православие.

Вот, к примеру, вроде бы невинная передача на радио «Эхо Москвы»: «Королева Польши Ядвига: любовь и долг». Ведущие Алексей Венедиктов и Наталья Басовская.

По их мнению, польская королева Ядвига «осталась в истории, как символ благородства и жертвенности... Ее очень ценят, ею восхищается католическая церковь, потому что благодаря ее жертве, о которой мы будем сегодня говорить, были обращены в христианство по католическому обряду последние язычники, многочисленные в Европе, а именно – литовцы. И католическая церковь этим деянием очень гордится, и за это ее высоко почитает».

А. ВЕНЕДИКТОВ: «Чтобы вернуться к вопросу канонизации, я приведу фразу, которую Иоанн Павел II в 1997 г., когда канонизировал королеву Ядвигу, он прибыл в Краков, это был второй визит его на свою родину, после 1991 г., когда он стал Папой. И пришли 1 млн 600 тыс. человек. И он, обращаясь, а она там похоронена в Кракове. И он, обращаясь к этому надгробному камню 28-летней женщины, сказал: “Долго же ты ждала, Ядвига, этого момента”».

За что же такое почитание Ядвиги? За то, что она при живом муже вторично вышла замуж за человека, который был ее втрое старше?

Н. БАСОВСКАЯ: «Епископ краковский Петр Выш зовет ее на подвиг. Духовный подвиг. Обращение Литвы в католицизм, союз против Ордена, это все ради Польши, это все ради Христа, все ради утверждения христианства».

С этим можно согласиться, только если считать православных, составлявших подавляющее большинство жителей ВКЛ, язычниками. Так, пять сестер Ягайло (дочерей Ольгерда) приняли православие и вышли замуж за русских князей – Бориса Константиновича Нижегородского, Федора Карачевского, Ивана Новосильского, Владимира Андреевича Храброго и Давида Дмитриевича Городецкого.

Отец Ягайло князь Ольгерд Гедиминович первый раз принял православие под именем Александра еще до 1318 г., то есть до женитьбы на Марии Ярославне. Ну а позже был двоеверцем.

Сам же Ягайло не только принял православие под именем Якова, а, согласно еврейским источникам, даже на время переходил в иудаизм и был обрезан.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру населения Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство – от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранили свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма.

«Многоверец» Ягайло, приносивший в жертву идеалы немецких рыцарей, столь же ретиво принялся громить православные храмы. Так, по его приказу в 1412 г. в Перемышле поляки силой захватили кафедральный собор во имя Рождества Святого Иоанна Крестителя. Там взломаны гробницы русских князей, кости их выброшены. Храм переосветили по католическому обряду и передали перемышльскому католическому епископу, а православный епископ должен был удалиться и основать свою кафедру в подгородном селе Вильче.

В 1460 г. собор, построенный князем Володаром Ростиславичем (1119–1124), был разобран поляками, а его материалы использованы для строительства католического кафедрального собора на Подзамке в Перемышле.

Однако православные князья и бояре «Литовской Руси» повсеместно начали давать отпор католическим агрессорам, что заставило ксендзов Ягайло вести там более гибкую религиозную политику.

2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир IV Ягеллончик дал (в Вильно) привилей «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям,

шляхте, боярам и местичам». Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись «пре-латом, княжатам, рытерем, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелаты, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил великому князю литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимировича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как «все тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

20 марта 1499 г. великий князь особым привилеем подтвердил этот свиток. По этому привилею «мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты» и все епископы Киевской митрополии «судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы». Все князья и паны «римского закона, как духовные, так и светские», воеводы, старосты, наместники «как римского, так и греческого закона», все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет Магдебургское право³⁰) не должны чинить «кривды» церкви божией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться «в доходы церковные и во все sprawy и суда их духовные», ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежит митрополиту и епископам.

В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от своих собратьев – католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая – православие; один бургомистр – католик, другой – православный. Грамоты Полоцку (в 1510 г.), Минску, Новогрудку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.) и другие подтверждают это.

В 1492 г. умирает польский король Казимир IV. За годы его правления королевская власть сильно ослабела. В XV веке по отдельным областям Польши – воеводствам – стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и прежде всего вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд – так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с Орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV века окончательно организовался так называемый «вальный сейм», то есть общий для всей страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю – коронную раду, или сенат, где заседали możnowładcy – прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату – посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные указы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

---

³⁰ Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

Глава 5. Иван III начинает «реконкисту»

После смерти Казимира IV польские паны избрали королем Яна Ольбрехта (Альбрехта), а литовские – великого князя Александра. С этого момента великий князь московский Иван III начинает «реконкисту» – войну за возвращение русских земель.

В 1493 г. московский воевода Данила Щеня захватывает город Вязьму, где княжил Андрей Юрьевич Вяземский, и город Хлепень, где сидел Михаил Дмитриевич Вяземский. Напомню, что Вяземский удел достался великому князю Витовту, и вяземские князья, почти 100 лет правившие им, верой и правдой служили Вильно.

Иван III любил не спеша расправляться со своими жертвами, вспомним те же Новгород и Тверь. Вяземское княжество не стало исключением из общего правила. Так произошло и с вяземскими князьями. Михаил Дмитриевич с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер (убит?). Куда делся Андрей Юрьевич Вяземский – неизвестно, во всяком случае, в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Итак, наиболее знатные князья Вяземские были устранены, а вот многие боковые ветви были отправлены подальше от западных границ Московского государства.

В Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем литовским Александром.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой – московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеда, если бы они попросту драпанули через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV века стал князем киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиною». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве – «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры.

За Бельским перешли с богатыми волостями князья, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом³¹, Гомелем и Любичем; Шемячич – с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья – Мосальские, Хотетовские, и все по причине якобы гонения за веру.

---

³¹ Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

На самом же деле никаких гонений на веру в 1500 г. не было, тем более в пограничных с Москвой уделах и княжествах. Дело в том, что князья Литовской Руси были мало знакомы с московскими порядками и нравом Ивана III. Они знали московского князя как удачливого и очень богатого правителя и надеялись на получение денег и новых вотчин.

И поначалу московские власти не спешили их разочаровывать. К Ивану перешли князья Трубецкие – Андрей, Иван, Федор Семеновичи и Иван Юрьевич с сыном Семеном. Вся эта компания потомков Гедимины к 1499 г. совместно владела небольшим городком Трубчевском. Им он был и оставлен до конца XVI века. От них пошел род князей Трубецких.

Меньше повезло Василию Шемячичу. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья – вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдумано было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и двое дочерей были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Белевского. Он стал известным московским воеводой, но в 30-х гг. XVI века был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья.

Но, повторяю, князья, переходив к Ивану III, мечтали совсем о другом. Понятно, что литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

Сын Ивана III Дмитрий Жилка осадил Смоленск. Московское войско окружило город, вокруг были возведены осадные батареи, которые даже и ночью обстреливали Смоленск. Одновременно русские овладели Оршей.

На выручку Смоленску великий князь литовский Александр послал из Минска войско во главе с трокским старостой Станиславом Яновским. Литовцы форсировали Днепр и Оршу, и направились к Смоленску. Русские были вынуждены снять осаду с города и отойти без сражения.

15 июля 1502 г. Иван III отправил к Смоленску своего сына Дмитрия Ивановича. В августе москвичи осадили Смоленск и начал обстреливать его из осадных орудий. 16 сентября русские пошли на штурм, но были отбиты, при этом разорвалась большая пушка осаждающих. 17 сентября Дмитрию Ивановичу пришлось снять осаду и возвратиться в Москву, куда рать и прибыла 23 октября. В русской летописи об этом походе сказано коротко и неясно: «...землю Литовскую повоева и поплени, а града Смоленска не взял, понеже крепок бе».

25 марта 1503 г. в Москве был подписан русско-литовский «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на шесть лет. Перемирная грамота была написана от имени великого князя Ивана, *государя всея Руси*, сына его *великого князя* Василия и остальных детей. Вели-

кий князь литовский Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

27 октября 1505 г. на 67-м году от рождения и на 44-м году княжения умер Иван III. Московский престол перешел к его сыну Василию III (1479–1533). Польский король и великий князь литовский Александр пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 г. Его место на литовском престоле занял брат Сигизмунд, который с 24 января 1507 г. стал и королем Польши.

Прежде чем переходить к правлению Сигизмунда I, следует упомянуть о переменах в государственном устройстве Польши, имевших большое значение для последующих событий. Так, Мельницким привилеем 1501 г. королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось, по существу, к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции «*Nihil novi*» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 г. король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

Сразу же после вступления на престол Сигизмунд I отдал приказ о подготовке к походу на Москву. В Крым и Казань были отправлены большие послы поднимать татар на Василия III.

Военные действия продолжались с переменным успехом с апреля 1507 г. до лета следующего года.

19 сентября 1508 г. в Москву прибыли королевские послы полоцкий воевода Станислав Глебович, маршалок Ян Сапега³² и другие. Уже 8 октября был заключен «вечный мир» (то есть бессрочный) между Московским государством и Литвой.

Согласно договору Сигизмунд должен был уступить Москве в вечное владение приобретения Ивана III.

«Вечный мир» просуществовал всего лишь четыре года. Как написано в русской летописи, в мае 1512 г. «двое сыновей Мангли-Гиреевых с многочисленными толпами напали на украину, на Белев, Одоев, Воротынский, Алексин, повоевали, взяли пленных». Василий III выслал против них войско, но татары успели отступить с большой добычей, а московские воеводы догонять их не стали.

Осенью 1512 г. русские лазутчики донесли из Крыма, что поход крымских царевичей был следствием договора, заключенного между Менгли Гиреем и Сигизмундом. Это известие в Москве сочли достаточной причиной для разрыва с Литвой, и Василий III послал Сигизмунду грамоту, упрекая его за оскорбление своей сестры Елены (вдовы Александра) и за старание поднять Менгли Гирея против Москвы.

Василий III вступил в союз с германским императором Максимилианом. В феврале 1514 г. в Москву прибыл императорский посол Синцен Памер и заключил договор, предусматривавший изъятие у Сигизмунда I земель Тевтонского ордена в пользу императора, а Киева и других русских городов в пользу великого князя московского.

Василий III еще до заключения договора, 19 декабря 1512 г., выступил в поход с двумя братьями – Юрием и Дмитрием, зятем – крещеным татарским царевичем Петром, с Михаилом Глинским и с двумя московскими воеводами – князьями Даниилом Васильевичем Щеней и

---

³² Ян (Иван) Богданович Сапега (ум. в 1546 г.) происходил из брянских бояр, родоначальником рода был его дед Семен Сапега (Сопига) – писарь великого князя литовского Казимира Ягеллончика.

Иваном Михайловичем Репней-Оболенским. Целью похода был Смоленск. По польским данным, у Василия было 60-тысячное войско и 140 пушек.

Как сказано в летописи, шесть недель простояв под городом, великий князь назначил приступ. Псковские пищальники, получив от Василия III три бочки меда и три бочки пива, напились и в полночь ударили на крепость вместе с пищальниками других городов. Всю ночь и весь следующий день «бились они из-за Днепра и со всех сторон, много легло их от городского наряда [пушек. – А.Ш.]». Однако все приступы московской рати были отбиты, и Василий III в марте 1513 г. возвратился в Москву, так и не взяв Смоленска.

14 июня Василий опять выступил в поход. Сам он остановился в Боровске, а к Смоленску послал воевод боярина князя Репню-Оболенского и окольного Андрея Сабурова. Смоленский наместник Юрий Сологуб вышел с войском из города и контратаковал русских. Однако полки его были разбиты и бежали в крепость.

Вскоре под Смоленск прибыл и сам великий князь Василий. К городу были доставлены осадные орудия. Однако взять город не удалось, и 1 ноября Василий III отправился восвояси.

8 июня 1514 г. Василий III в третий раз выступил к Смоленску. С ним шли братья Юрий и Семен, а третий брат, Димитрий, стоял в Серпухове для защиты южных границ от крымцев, четвертый же брат, Андрей, остался в Москве. 29 июля началась осада Смоленска.

Действиями пушек распоряжался пушкарь Стефан. Первым же выстрелом из огромной пушки Стефану удалось попасть в пушку в крепостной башне. Литовская пушка разорвалась, и все, кто находился в башне, были убиты. Через несколько часов Стефан дал залп из пушек меньших калибров «ядрами мелкими окованными свинцом», то есть пушки заряжались несколькими камнями средней величины, покрытыми свинцовой оболочкой. Таким образом, эти боеприпасы напоминали дальнюю картечь XVIII века с той разницей, что тогда ядра были чугунные. Смоляне не ожидали от русских такой пакости, и у стен собралось много военных и гражданских лиц, пришедших посмотреть на войско москвичей. Согласно русской летописи, этот залп «еще больше народу побил; в городе была печаль большая, видели, что биться нечем, а передаться – боялись короля». Тем временем великий князь велел Стефану дать третий залп, вызвавший новые потери среди осажденных.

Тогда епископ Смоленский Варсонофий вышел на мост и стал просить у великого князя перемирия до следующего дня. Но Василий не согласился и велел бить по городу из всех пушек со всех сторон. Варсонофий вернулся в город, собрал весь церковный причт, надел ризу, взял крест, иконы и вместе с наместником Сологубом, панами и простыми людьми снова вышел на мост и обратился к Василию: «Государь князь великий! Много крови христианской пролилось, земля пуста, твоя отчина. Не погуби города, но возьми его с тихостию». Тогда Василий подошел к владыке для благословения, а затем велел ему, Сологубу и панам идти к себе в шатер.

На следующий день, 30 марта, Василий III послал в Смоленск своих воевод Данилу Щеню с товарищами, дьяков и подьячих с заданием переписать всех жителей и привести к присяге «быть за великим князем и добра ему хотеть, за короля не думать и добра ему не хотеть». К вечеру следующего дня все смоляне были переписаны и приведены к присяге. А 1 августа Василий III вместе с владыкой Варсонофием торжественно вступил в Смоленск, где был радостно встречен всем народом. После молебна и многолетия в соборной церкви владыка сказал великому князю: «Божиею милостию радуйся и здравствуй православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске на многие лета!»

Смоленским князьям, боярам и мещанам Василий объявил свое жалованье, уставную грамоту и назначил им наместником боярина князя Василия Васильевича Шуйского, а затем позвал всех обедать, а после обеда все получили великокняжеские дары. Сологубу же и сыну его Василий сказал: «Хочешь мне служить, и я тебя жалую, а не хочешь, волен на все стороны». Сологуб выразил желание вернуться к своему королю и был отпущен. А в Польше его объявили изменником и отрубили голову. Всем остальным королевским служилым людям Васи-

лий III также предложил на выбор – остаться у него на службе или возвратиться к Сигизмунду. Оставшиеся получили по два рубля и по сукну, те же, кто решил уехать к королю, получили по рублю. Многие смоляне уже давно хотели покинуть свой город, и тем, кто ехал в Москву, давали подъемные, те же, кто оставался, удерживали за собой свои вотчины и поместья.

Вскоре в Смоленске сторонники короля устроили заговор, причем во главе его стоял епископ Варсонофий. Он отправил к Сигизмунду своего племянника с письмом такого содержания: «Если пойдешь теперь к Смоленску сам или воевод пришьешь со многими людьми, то можешь без труда взять город». Король обрадовался и направил заговорщикам милостивую грамоту и богатые дары.

Однако большинство смоленских дворян и мещан тяготели к Москве. Кто-то из них донес на заговорщиков московскому наместнику Василию Шуйскому. Тот велел схватить Варсонофия и других заговорщиков, посадил под стражу и о случившемся доложил великому князю в Дорогобуж. В это время к Смоленску подошел князь Константин Острожский. Надеясь на помощь Варсонофия, король отправил с Острожским только шеститысячный отряд. Но Шуйский разочаровал его, повесив всех заговорщиков, кроме Варсонофия, на городских стенах на виду у польского отряда. Причем, как гласит летопись, «который из них получил от великого князя шубу, тот был повешен в самой шубе; который получил ковш серебряный или чару, тому на шею привязали эти подарки и таким образом повесили».

Далее война шла с переменным успехом. Мирный договор был заключен в Москве лишь 25 декабря 1522 г. Согласно договору, Смоленск остался за Великим княжеством Московским. Граница между Литвой и Московским государством проходила по Днепру ниже Смоленска и затем вверх по впадающей в Днепр реке Мере (Морее) до реки Иваки.

Заговор Варсонофия оказался на руку великому князю московскому. Во-первых, у Василия III появился повод сменить смоленского владыку. Варсонофий был доставлен в Москву, а затем сослан в заточение в Спасо-Каменный монастырь. Вместо же Варсонофия московский митрополит Варлаам рукоположил в Смоленске епископом архимандрита Чудова монастыря Иосифа. Тут следует отметить две очень важные детали.

Во-первых, Чудов монастырь в Кремле был «придворным монастырем», архимандритами их московские князья (через митрополитов, разумеется) назначали самых верных людей.

Во-вторых, после взятия Смоленска Витовтом смоленские митрополиты и епископы никогда не назначались московским митрополитом. Так, 21-й смоленский епископ Иосиф по прозвищу Салтан был освящен в епископы смоленские константинопольским патриархом Неофитом. Епископ Иосиф, будучи больным, из Смоленска был переведен в Киев митрополитом Литовским князем Александром, а его сменил в Смоленске епископ Варсонофий.

Как видим, смоленские епископы по церковной линии были подчинены лишь константинопольскому патриарху. А, как мы знаем, с 1453 г. Константинополем владели турки, и власть патриарха была номинальна даже в Османской империи. Таким образом, Варсонофий выступал против правящего государя не в интересах церкви, а в качестве церковного феодала.

Еще более важно второе. Захватив Смоленск, великий князь московский пообещал сохранить без изменений все привилегии боярам и жителям Смоленска. Таким образом, смоляне стали бы жить на порядок богаче и вольнее, чем москвичи, новгородцы, владимирцы и т. д. Такого Василий III, естественно, допустить не мог. Заговор Варсонофия дал повод ему лишить смолян всего обещанного.

Тут следует заметить, что смоленское боярство было самым многочисленным на русских землях Великого княжества Литовского. В реестре смоленских князей и бояр, датированном второй половиной 1480-х гг., переписано 136 боярских семейств, к которым можно добавить еще около тридцати бояр разных категорий.

Тут необходимо делать различие между боярами смоленскими других земель Великого княжества Литовского и боярами московскими. В Великом княжестве Литовском бояре были

наследственными аристократами, а в Москве бояре были высшими чиновниками при дворе великого князя. Замечу, что чины у нас были разделены на военные, гражданские и придворные лишь при Петре Великом. Итак, великий князь раздавал чины дворянам – стольника, окольничего и боярина – по своему усмотрению.

Так что когда мы читаем «древний боярский род», то это всего лишь «метка» историка, которую он использует для своего удобства и удобства читателя. А по сути это все равно, что «древний генеральский род». Сын боярина (генерала) мог быть убит или умереть от пьянства в чине рынды или стольника (прапорщика или полковника).

Василий III не доверял смоленским боярам, равно как и большинству жителей Смоленска. Поэтому он прибег к массовой депортации³³. Подобные депортации сотен тысяч людей уже произвел Иван III в Новгороде Великом, Пскове, Твери, Вятке и других городах. Ну а после Смоленска депортации будут производиться и в Рязани.

Депортация началась в конце 1514 г. Псковский летописец сообщает: «...на зиме смольнян князь великий повел к Москве». Есть упоминания об этом событии и в литовско-белорусских источниках. Так, в летописи Рачинского говорится о том, как великий князь Василий «смольнян всех вывел к Москве и там им именья подавал на Москве, а москвичом подавал именья у Смоленску». Русским послам, отправленным в Вильно в феврале 1524 г., была дана специальная инструкция, что говорить, если спросят, «чего деля князь великий смолян на Москву привел?» Суть ответа очень длинная. Как говорил Аркадий Райкин, «запускалась дурочка». Однако из этой «дурочки» можно понять, что коснулась не только смоленских бояр, но и купцов с мещанами. В инструкции говорилось: «...которым людям велел быти на Москву, и государь...тех пожаловал, дворы им на Москве и лавки велел подавати и поместья им подавал».

«Что касается бояр, то выселялся, вероятно, верхний слой, наиболее видные фамилии из оставшихся в городе: согласно спискам “литвы дворовой” Дворовой тетради, к 50-м гг. Пивовы оказались в Ярославле, Коптевы – в Можайске, Дудины – во Владимире, Плюсковы – в Медыни, Бобоедовы – в Юрьеве, Жабины – в Можайске и Медыни, а члены семейства Полтевых были разбросаны по нескольким городам (Ярославль, Владимир, Медынь). Низший же слой смоленского боярства и провинциальный служилый люд (щитные, доспешные, панцирные слуги и т. д.), можно полагать, поначалу был оставлен на месте: еще и во второй половине XVI века Вошкины, Ходневы, Коверзины, Шестаковы и пр...числились по Смоленску под именем “земцев”. Впрочем, “перетряхивание” служилого сословия продолжалось в Смоленске на протяжении всего XVI в.»³⁴.

Александр Твардовский, кстати, тоже смоленский, писал: «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Катаклизмам России в начале 90-х гг. XX века мы во многом обязаны столичным историкам-лакеям и историкам – местечковым националистам. Хватит! Не пора ли начать говорить правду!

Да, Иван III Страшный и его свирепые сын и внук учинили депортации миллионов людей. Вот интересный пример. Князья Пожарские и Стародубские, потомки удельных князей Стародубских, были природными Рюриковичами, и им в подметки не годились хундордные выскочки Романовы-Кошкины.

Но в марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его

³³ Я употребил термин «депортация», хотя формально надо говорить «насильственное переселение». Ведь депортация – это исключительно переселение из одного государства в другое. Но смоляне, тверичи, рязанцы и другие выселявшиеся сразу после включения их городов в состав Великого княжества Московского считали, что их переселили в другие страны.

³⁴ Кром М.М. *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* М.: Квадрига, 2010. С. 256.

верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Рязановский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Но давайте честно скажем, подобное «перетряхивание» людей в XV–XVI веках создало единое централизованное русское государство, единый русский народ, говорящий на одном языке. Русские княжества Белой и Малой Руси ничем не отличались от Рязанского, Тверского, Псковского княжества или Новгорода. Но, оказавшись под властью поляков, приобрели иной менталитет, обычаи и язык, точнее, иной диалект русского языка.

Замечу, что и Франция из конгломерата провинций, говорящих на провансальском, баскском, гасконском, бретонском и других языках, превратилась в единую нацию лишь после «перетряхивания» людьми времен республики и империи 1789–1815 гг. Пусть Конвент и Наполеон «перетряхивали» их иным способом, но в принципе разницы нет никакой.

Ленин говорил, что «история – не тротуар Невского проспекта», а Бисмарк считал, что «история делается железом и кровью».

Глава 6. Люблинская уния

В конце 60-х гг. XVI века усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас белорусские историки утверждают, что создание польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Споры нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но московский вектор Люблинской унии не был решающим. Русско-литовская война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще.

Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве в ходе Ливонской войны приходилось одновременно действовать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, турок в Астрахани и т. д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию³⁵. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана... своим королем.

Куда ближе к истине тот же С.М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решением вопроса о вечном соединении Литвы с Польшей, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»³⁶.

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл³⁷ и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии, Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство – Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иностранными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская – в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным,

---

³⁵ Боюсь, что тут у определенной части читателей возникнет аналогия с репрессиями в конце 30-х гг. XX в. в Красной армии. На самом деле аналогия тут чисто внешняя, т. е. похожи факты, но суть совершенно иная. Иван IV уничтожал профессиональных воевод. Так, десятки князей Курбских участвовали в походах Ивана III, Василия III и Ивана IV и честно сложили головы за землю Русскую. Репрессии же конца 30-х гг. XX в. были направлены в основном на героев Гражданской войны – выдвиженцев председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого. Вместо них пришли новые командиры, которые и выиграли Великую Отечественную войну, в которой уцелевшие герои Гражданской войны не сыграли особой роли. Аналогичная ситуация была и во Франции, когда десятки и сотни генералов, сделавших молниеносную карьеру во времена Революции, ушли со сцены в конце XVIII в., а Европу покоряли совсем другие люди, которые к 1793 г. были лейтенантами, а то и просто рядовыми.

³⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 614.

³⁷ Князь Криштоф Радзивилл (1547–1603 гг.), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Ріогун» («Перун», т. е. «Гром»).

то будем предоставлять и давать шляхтичам – местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»³⁸.

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польшей, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 г. явились конституцией нового государства – Речи Посполитой. Как писал В.А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройством и опасным для государства замешательствам»³⁹.

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI века покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Посполитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая – за Яна Кишу, сторонника социан.

Попробую подвести наконец итоги. Начну с того, что дала Уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569 г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т. д. Так вот для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать, в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569 г. Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния вопреки всем ее актам стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию унии.

³⁸ Цит. по: Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 96.

³⁹ Цит. по: Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 102–103.

Наступление на православных и протестантов католики начали еще до принятия унии. Но пока наступление шло в области идеологии и просвещения. Попытка силовым способом навязать католицизм, безусловно, привела бы к кровавой междоусобице и гибели Речи Посполитой.

Епископ Виленский Валериан Проташевич, один из идеологов борьбы с диссидентами⁴⁰, обратился за советом к кардиналу Гозиушу, епископу Варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов, посоветовал то же самое и Проташевичу. Тот последовал совету, и в 1568 г. в Вильно был основан иезуитский коллегиум под управлением Станислава Варшевицкого.

Вскоре в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательной для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI века началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы – почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через 100 лет.

Хотя формально Литва и Польша стали единым государством, но присоединение Киевской земли к Польше создавало условие для ее более быстрой полонизации. При этом, если в Белой Руси большинство помещиков были потомками русских князей и бояр, то в Киевские земли устремились сотни польских панов, начавших закабаление ранее свободных крестьян. Все это привело к появлению языковых и культурных различий, которые позже дали повод националистам говорить о двух народах – белорусском (он же литвинский и т. д.) и украинском (то есть украх и др.).

Любопытен рассказ Владислава Грабенского о распространении русского языка в ВКЛ: «Установленные на сеймах законы до Сигизмунда-Августа публиковались на латинском языке и носили название статутов; после они стали выходить на польском языке, под названием конституций. По поручению Радомского сейма при короле Александре канцлер Ян Лаский собрал в хронологическом порядке все коронные законы, начиная от Вислицкого статута, и напечатал их в 1506 г. После статута Лаского пытались кодифицировать законы: Ташицкий при Сигизмунде I, Пшилуский и Гербурт при Сигизмунде-Августе, Сарницкий, Янушовский и Щербич при Сигизмунде III. Однако эти попытки не получили утверждения сословий. Полное собрание статутов и конституций в хронологическом порядке (за 1347–1780 гг.) было обнародовано (благодаря старанию пиаров) в восьми томах под названием “*Volumina Legum*”. Некоторые части Речи Посполитой имели отдельные законы. В Литве имел обязательную силу Статут 1528 г., утвержденный Сигизмундом I в 1530 г., исправленный и расширенный в 1566 и 1588 гг. Он был составлен на русском языке, третья редакция, благодаря великому литовскому канцлеру Льву Сапеге, была переведена на польский язык. Кроме литовской провинции, он имел силу для части Малой Польши, Украины и Волыни»⁴¹.

Итак, «литовский статут» до 1588 г. (!) был на русском языке. Понятно, что там, где он действовал, включая «часть Малой Польши», судопроизводство велось на русском языке.

Для Московского государства заключение Люблинской унии означало переход всех литовских претензий к Польше. Замечу, что официальные прямые контакты Польши с великим князем владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как писал историк и дипломат Вильям Похлебкин: «...став вновь сосе-

---

⁴⁰ Так в Польше в XVI–XVIII вв. называли протестантов.

⁴¹ Грабенский В. История польского народа. С. 224–225.

дями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»⁴².

7 июля 1572 г. умер Сигизмунд II Август, которого польские историки именуют последним из Ягеллонов, хотя он был потомком Ягайло лишь по женской линии.

Сразу же после смерти короля Сигизмунда польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. В качестве претендентов на престол выступали шведский король Иоанн, семиградский воевода Стефан Баторий, принц Эрнст (сын германского императора Максимилиана II) и т. д. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Ивана Грозного. Царевичу тогда было 15 лет, а наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов – сторонников Федора – было сходство польского и русского языков и обычаев. Напомню, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы – немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сбереечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

Затем радные паны решили избрать на польский престол Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста бельский Ян Замойский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха.

Прибыв в Краков, новый король заявил: «Я, Генрих, Божией милостью, избранный королем Польши, Великого княжества Литовского, Руси, Пруссии, Мазовии и т. д. ... всеми чинами государства обоих народов как Польши, так и Литвы и прочих областей, избранный с общего согласия и свободно, обещаю и свято клянусь всемогущим Богом, перед сим св. евангелием Иисуса Христа, в том, что все права, вольности, иммунитеты, общественные и частные при-

---

⁴² *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1995. С. 391.

вилегии, не противные общему праву и вольностям обоих народов, церковные и светские, церквам, князьям, панам, шляхте, мещанам, селянам и всем вообще лицам, какого бы они ни были звания и состояния, моими славными предшественниками, королями и всеми князьями... сохраняю и удержу мир и спокойствие между несогласными в религии, и никоим образом не позволю, чтобы от нашей юрисдикции или от авторитета наших судов и каких-либо чинов кто-либо страдал и был притесняем из-за религии, да и сам лично не стану ни притеснять, ни огорчать»⁴³.

Одновременно король отрекался от наследственной власти, обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так узаконивалось вооруженное восстание шляхты против короля, так называемый рокош.

Новый двадцатитрехлетний король выполнил надлежащие формальности и загулял. Нет, я вполне серьезно. Ему и во Франции не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кой-какое представление, и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К бардаку в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король сбежал с престола – такого еще не бывало. Паны начали чесать свои затылки: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольеве не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В конце концов в декабре 1575 г. королем был избран семиградский князь Стефан Баторий.

По смерти Батория в 1586 г. опять начался «конкурс» на титул короля Речи Посполитой. Опять рассматривалась кандидатура Федора Ивановича, теперь не царевича, а царя. Радные паны официально потребовали у русских послов взятку в 200 тыс. рублей. Послы же предложили 60 тыс. Наконец, после долгой перепалки думный дворянин Елизар Ржевский назвал последнюю цифру – 100 тыс., и больше ни копейки. Возмущенные паны отказались от кандидатуры Федора.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III. Оба кандидата поспешили ввести в Польшу по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства предшественников королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат – император Священной Римской империи.

В отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать – убежденная католичка – и реформация в Швеции.

⁴³ Цит. по: Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 111–112.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть некатоликов). В 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит Киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. При этом и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковью под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе. – А.Ш.] не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К.К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом – через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще, Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в утонченные западные одежды, в чулки и туфли.

Избрание на престол Сигизмунда III стало первым шагом к гибели Речи Посполитой. Религиозные репрессии вызывали непрерывные восстания православных внутри страны, а территориальные претензии ко всем без исключения соседям – длительные войны.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.

Глава 7. Паны в законе

Если во второй половине XIII–XIV веках Русь Московскую и Русь Литовскую можно еще считать искусственно разделенными частями одной страны, одного народа с одной верой, одной культурой и обычаями, то со второй половины XVI века Речь Посполитая и Московия – это два мира с принципиально иными системами правления, обычаями, но пока еще одной верой и одним языком.

В Московском царстве Иван Грозный учинил опричнину, разгромил Новгород и сотворил многое другое, о чем хорошо известно отечественному читателю. А что творилось в Речи Посполитой? Полный беспредел! Там бесчинствовали тысячи панов, не менее свирепых, чем Иван III и Иван IV, хотя они были куда более ограничены в своих возможностях.

Разумеется, мое утверждение идет вразрез с красивыми сказками польских историков. И посему нужны доказательства. Пожалуй, их хватит на несколько томов, но ограничусь лишь тремя-четырьмя фактами.

Вот, например, в конце 30-х гг. XVI века черкасско-каневским старостой становится князь Михаил Вишневецкий.

Вишневецкие происходили от Дмитрия (Корибута)⁴⁴, князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Первым перешел в католичество Константин Константинович (1595 г.). А наш черкасский и каневский староста Михаил Александрович приходился внуком первому князю Вишневецкому.

Дмитрий Вишневецкий старостой черкасским и каневским пробыл только 3 года. Получив от короля Сигизмунда I отказ на свою просьбу о каком-то пожаловании, Вишневецкий ушел в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем козацтвом или хлопством⁴⁵, которое возле него появлялось», – писал о Вишневецком король Сигизмунд Радзивиллу Черному.

Через несколько месяцев Сигизмунд II (король Польши в 1548–1572 гг.) переманил Вишневецкого обратно, дав все требуемые им пожалования. Дмитрий Иванович вновь стал старостой черкасским и каневским.

Весной 1556 г.⁴⁶ Вишневецкий со своей «частной армией» отправился за пороги, там заложил укрепления (сечь) на острове Малая Хортица, известном также как остров Верхнехортицкий, Канцеровский, Вырва и, что наиболее интересно, остров Байда. Именно на этом острове археологи обнаружили остатки укрепления XVI века, а также ружья, обломки сабель, топоры, наконечники стрел и копий, монеты, относящиеся ко временам Дмитрия Вишневецкого.

Многие же историки считают, что Вишневецкий заложил Сечь на острове Хортица, или Великая Хортица. Увы, на Хортице археологических материалов, которые бы подтверждали пребывание здесь казацких укреплений, пока что не обнаружено.

Начало 50-х гг. XVI века отмечено ежегодными походами крымских орд как на Литву, так и на Московское государство. Татары доходили до Коломны, Серпухова и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржев-

---

⁴⁴ Православное имя Дмитрий, а языческое – Корибут.

⁴⁵ Козацтво и хлопство – личные дружины Вишневецкого. Все крупные и средние магнаты Литвы и Польши владели «частными армиями», не подчинявшимися королю.

⁴⁶ По другой версии, дело было в 1553 г.

ского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках (малых гребных судах) спустился по реке Псел (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынського и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить». Ескович сказал царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял атамана с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил вместе с Есковичем боярских детей Андрея Щепотьева и Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу Московского государства.

Через месяц после этого Вишневецкий отправил к Ивану Грозному новых послов – Андрея Щепотьева, Нечая Трищева, князя Семена Жижемского и Михаила Есковича – с извещением, что он, Вишневецкий, царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать татар в Крыму и под Ислам-Керменом, а уж потом прибыть в Москву.

В декабре 1557 г. Иван Грозный получил донесение своего посла из Крыма о том, что 1 октября «князь Димитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хортицкий город»⁴⁷.

Девлет Гирей не остался в долгу и весной 1558 г. внезапно подступил к Хортице⁴⁸. Вишневецкий со своими людьми несколько недель отбивался от татар. Но вскоре в Сечи начался голод, было съедено много казацких лошадей. Так что Вишневецкий был вынужден увести свое войско в Черкассы и Канев.

Иван IV, узнав о потере Хортицы, приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму – 10 тыс. рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Переход в подданство Москвы Черкас и Канева открывал широкие перспективы перед Иваном IV. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. Прорубить окно в Европу было России жизненно необходимо. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, 20 лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Между тем Девлет Гирей ободрился уходом Вишневецкого с Хортицы и писал царю, что если тот будет присылать ему большие поминки и ту дань, которую платит польский король, то «правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами».

---

⁴⁷ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 2. С. 20–21.

⁴⁸ Здесь и далее речь идет о Малой Хортице.

Иван IV отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в конце 1558 г. отправил на татар 5 тыс. ратников под началом князя Дмитрия Вишневецкого. Войско на судах добралось по Волге до Астрахани, а оттуда двинулось к Дону. По пути к ним примкнул отряд донских казаков и кабардинцев – подданных мурзы Канклыка.

Войско Вишневецкого выше Азова форсировало Дон и вышло к нижнему Днепру, а затем блокировало Перекоп. Там князю удалось перебить отряд из 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область.

Параллельно с Вишневецким царь отправил против татар и окольного Даниила Адашева с 8 тыс. ратников. Адашев на лодках спустился по Пселу до Днепра, а затем по Днепру – до Черного моря. Наконец впервые в истории ратные люди московского царя морем (!) пошли на Крым! По пути Адашев захватил два турецких корабля.

Весной 1561 г. отношение Дмитрия Вишневецкого к русскому царю изменилось к худшему. О причинах этого источники умалчивают, а я, в отличие от иных историков, не хочу фантазировать.

Так или иначе, но летом 1561 г. Вишневецкий отправил с Монастырского острова письмо королю Сигизмунду-Августу с просьбой прислать ему глейтовый (охранный) лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно согласился принять Вишневецкого к себе на службу и 5 сентября того же года прислал ему глейтовый лист: «Памятуя верная службы предков князя Димитрия Ивановича Вишневецкаго, мы приймаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский».

Получив охранную грамоту, Вишневецкий вместе с польским магнатом Альбрехтом Ласким приехал в Краков, где был с восторгом встречен горожанами. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Вскоре после этого Вишневецкий сильно заболел.

Однако теперь Дмитрий Вишневецкий остался не у дел. Должность старосты черкасского и каневского занимал его двоюродный брат Михаил Александрович Вишневецкий, дед будущего кровавого гетмана Иеремии.

С 1563 г. Вишневецкий числился на службе у польского короля, но Сигизмунд-Август не давал ему ни земель, ни ответственных поручений и не преминул при случае справиться у русского царя о причинах отъезда его из Москвы, на что получил ответ Ивана IV: «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил».

Годы и болезни сделали Дмитрия Вишневецкого столь дряхлым, что он уже с трудом садился на коня, но князя по-прежнему тянуло на авантюры. Он по совету своего приятеля Альбрехта Лаского решил овладеть Молдавией и стать ее господарем. И Вишневецкий в 1564 г. с 4 тыс. казаков⁴⁹ отправился в Молдавию.

Однако фортуна на сей раз отвернулась от нашего героя, он попал в плен и был отправлен в Константинополь. Султан Селим II велел повесить Дмитрия Вишневецкого на крюке за ребро.

Походы Вишневецкого создали ему ореол героя-мученика по всей Малороссии. Кобзари слагали о нем песни. Князь – потомок Гедимины, а на 90 процентов Рюрикович, стал в песнях «казакон Байдой».

Не забывают Дмитрия Вишневецкого и сейчас. Но, увы, никому не нужен реальный князь Вишневецкий, а нужен некий мифический персонаж. Полбеда, когда это связано с исторической безграмотностью. Так, к примеру, Александр Смирнов в весьма тенденциозной книге «Морская история казачества» называет православного князя, всегда считавшего себя русским, «польским аристократом» и «польским магнатом», а затем делает вывод: «Антагонизм

---

⁴⁹ Я написал «4 тыс. казаков», следуя Яворницкому (Т. 2. С. 24). Однако на следующей странице Яворницкий говорит о поляках, взятых в плен с Вишневецким, и не упоминает о казаках. Так что «казаки» Вишневецкого в 1564 г., скорей всего, были польскими шляхтичами – искателями приключений. Это тем более вероятно, что в 1563–1564 гг. Вишневецкий вообще не появлялся в Приднестровье.

между польским дворянством и запорожским казачеством, похоже, сильно преувеличен сторонниками мифа о “присоединении Украины к России”»⁵⁰.

Так кем же был Дмитрий Вишневецкий? Понятно, что не щирым украинцем, борцом за независимость Украины. Но и польским магнатом его не назовешь.

Я бы назвал Вишневецкого мутантом русского княжеского рода, протопольяком. Он воспринял в полном объеме шляхетскую вольность. Готов служить туркам, королю, царю, шаху персидскому, хоть самому дьяволу. Ему нужны лишь приключения, хлопы и гроши.

От классического польского пана Дмитрия Вишневецкого отличают русский язык и православная вера, да и сам он считает себя русским князем. И все же он уже больше польский шляхтич, нежели русский боярин.

Чисто по-человечески удалой князь Дмитрий Иванович мне очень симпатичен. Я с удовольствием написал бы о нем роман или снял фильм. Но, увы, историк должен быть беспристрастен.

А вторым нашим свидетелем беспредела в Речи Посполитой мы вызовем Андрея Курбского.

Уже три века идет спор наших историков и писателей о личности первого русского перебежчика и «диссидента» Андрея Курбского. Официальные царские, а затем и советские историки пытались доказать, что князь Курбский был представителем реакционного русского боярства, противодействовавшего прогрессивной деятельности Ивана Грозного. Соответственно, либералы доказывали, что Андрей Курбский был гуманистом, прогрессивно мыслящим человеком и т. п.

Тема и объем работы не позволяют нам вмешаться в этот интересный спор. А здесь я лишь поясню, кем был Курбский в Московии и кем стал в Речи Посполитой.

Князь Андрей Михайлович Курбский был прямым наследником удельных ярославских князей. Он прославился ратными подвигами в целом ряде походов. Был неплохим инженером-фортификатором.

Во время осады Казани он был воеводой правой руки, а в 1557 г. получил чин боярина. Но вот в ночь на 30 апреля 1564 г. Курбский с помощью верных слуг спустился на веревке с крепостной стены Дерпта, а внизу его ждали дети боярские С.М. Вешняков, Г. Кайсаров, Н. Неклюдов, И.Н. Тараканов и другие, всего двенадцать человек.

Вскоре беглецам удалось благополучно добраться до города Вольмара, занятого польскими войсками.

Замечу, что Курбский бежал не в Польшу, а в Литву за 5 лет до Люблинской унии (1569 г.).

В изгнании Курбский по-прежнему оставался полководцем, хотя и на менее важных должностях, чем в Московии. Но в Литве Курбский состоялся как писатель, историк и публицист, кем физически не мог стать в Московском государстве.

Самым известным его произведением стала «История о великом князе Московском». В ней автор пытается объяснить, каким образом «прежде добрый и нарочитый» царь превратился «в новоявленного зверя».

«С членами культурно-просветительских [православных. – А.Ш.] кружков белорусско-литовских и волыньских магнатов князь Андрей Курбский постоянно переписывался; возможно, через него князь Константин Острожский и другие магнаты поддерживали связь с Артемием, жившим в Слуцке. География связей Курбского была широкой: он писал старцу Васьяну в Печерский монастырь и другу Ивана Федорова Семену Седляру во Львов, виленскому патрицию Кузьме Мамоницу, финансировавшему типографию Петра Мстиславца, и волыньскому магнату Чапличу. Князю Константину Острожскому Курбский посылал свои пере-

---

⁵⁰ Смирнов А.А. Морская история казачества. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 41–42.

воды; при этом не обходилось без недоразумений. Так, перевод “Слов” Иоанна Златоуста Острожский дал перевести на польский язык (“на польщизну приложити дал”). Курбский был возмущен. “Верь ми, ваша милость, – писал он Острожскому, – есть ли бы и не мало ученых сошлось, словенца языка кланяюще чины граматически при прелагающие в польскую барбарию, изложить текст в текст не возмогут”. Защита А.М. Курбским славянского языка от проникновения “польской барбарии”, которую украинские магнаты в быту предпочитали родному языку, может быть оценена только положительно. Деятельность эта объективно способствовала распространению изданий Ивана Федорова»⁵¹.

Князю Курбскому, став владельцем Ковеля, сразу же пришлось с головой окунуться в польский беспредел. Он буквально принужден вести малые войны с соседями-шляхтичами, как католиками, так и православными. Увы, я не преувеличиваю. Историки обнаружили в польских архивах документы о десятках «междусобойчиков» с участием Андрея Ярославского, как именовал себя Курбский в изгнании. Май 1566 г. – вооруженные столкновения с частной армией Александра Федоровича Чарторийского. В августе того же года – конфликт с владельцами местечек Донневичи и Михилевичи. Ноябрь 1567 г. – стычки с вооруженной челядью семейства сендомирского каштеляна Станислава Матеевского. В конце 1569 г. – боестолкновения с частной армией Матвея Рудомина, много убитых и раненых. В августе 1570 г. «малая война» (по выражению историка И. Ауэрбаха) с князем Андреем Вишневецким за передел границ имений. Вооруженные пограничные столкновения между дружинниками Курбского и частной армией Вишневецкого происходили в феврале 1572 г., в августе 1575 г.

12 сентября 1577 г. пан Андрей Монтолт напал на владения Курбского, разграбил сторожку, сжег штабеля досок, предназначенные для производства бочек, украл 60 топоров, десять пил и два кухонных котла. Поверьте, я беру не все подряд, а наугад дела, связанные с нашим «диссидентом».

Надо ли доказывать, что боярин князь Рюрикович не только при Иване Грозном, но и при Федоре Иоанновиче, Борисе Годунове и Алексее Михайловиче не имел возможности столь свободно заниматься публицистической деятельностью, как Андрей Курбский в Невеле. Зато любая пограничная стычка служилых князей в Московии была поводом вызова их на царский суд и расправу в Москву.

Формально и в Речи Посполитой имелись суды, которые должны были судить шляхту. Но подавляющее большинство панов «плевали на них с высокой колокольни». Даже наш «эмигрант» Андрей Курбский быстро сориентировался и стал игнорировать судебные решения.

В случае с паном Курбским невольно вспоминается русская пословица – «С волками жить...» Он также грабил соседей, пытал их людей и т. д., то есть творил то, что ему и в страшном сне не могло присниться в Московии.

Любопытно, что семейство Вишневецких в конце XVI века воевало не только с Андреем Курбским, но и с... Борисом Годуновым! И не потому, что магнаты Вишневецкие были ненавистниками Московии, наоборот, Вишневецкие тогда считались оплотом православия в Речи Посполитой.

В конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине, из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов,

⁵¹ Нemiровский Е.Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985. С. 158–159.

в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.